

Индекс 70770

Цена 10 копеек

Ежемесячный общественно-политический
и литературно-художественный журнал • №

2

1972

РАБОТНИЦА

Эти девушки приехали в Москву из далекой африканской страны Того, приехали учиться, чтобы потом вернуться на родину врачами, акушерками. Они стипендиатки Комитета советских женщин.

Фото В. Грецова.

В. В. Николаева-Терешкова среди участниц пленума Комитета советских женщин.

НАШ БОЛЬШОЙ ДЕНЬ

8 марта 1921 года в газете «Правда» была напечатана статья В. И. Ленина, посвященная Международному дню работниц. Владимир Ильинич писал, что в этот день «во всех странах мира на бесчинственных собраниях работниц будут раздаваться приветы Советской России, начавшей неслыханно трудное и тяжелое, но великое, всемирно великое и действительно освободительное дело».

Сегодня, в канун 8 Марта, мы с гордостью и полной ответственности говорим: сбылось ленинское предсказание. Всемирно великое освободительное дело, начатое в те годы, приносит сегодня свои плоды. Более чем полувековой опыт нашей страны, жизнь советских женщин и женщин других социалистических стран показали всему миру, что единственно возможный путь к подлинному равноправию и счастью женщин — путь, указанный Лениным, Коммунистической партией.

Великолепные результаты, которых достигла советская женщина в труде, политической и культурной жизни общества, вызывают пристальный интерес людей всех континентов земли и заключают в себе чудо преобразования и заразительный пример. Сегодня уже и в капиталистических странах с женщиной нельзя обращаться так, как вчера. Все меньше остается упорных консерваторов, которые рискуют открыто отнести ее к людям второго сорта.

Упорная борьба женщин капиталистических стран за полное равноправие, участие их в национально-освободительной борьбе своих народов, убедительный пример стран социализма привели к тому, что во всем мире изменился взгляд на женщину, на ее роль в обществе. Во многих странах за последние годы равноправие женщин закреплено в законодательном порядке.

Но как часто еще добрые обещания правительства капиталистических государств расходятся с делом! Всего несколько примеров. Во Франции, Голландии и некоторых других странах налог, которым облагается замужняя работающая женщина, достигает таких размеров, что на него уходит большая часть заработка. Поэтому замужние женщины часто вынуждены оставлять работу. В Англии равную с мужчинами плату за одинаковый труд получает только одна из десяти работающих женщин. В Японии ее зароботок составляет менее половины заработка мужчины. Не решена и проблема совмещения труда женщины в общественном производстве с ее материнскими обязанностями. Пред-

приниматели не желают нести расходы по охране материнства, а поэтому предпочитают не брать на работу девушек или увольняют их после вступления в брак. Число детских садов и яслей в капиталистических странах ничтожно. В Англии они обеспечивают лишь 1 процент детей работающих, в США — 2,9 процента.

Женщины сегодня не, могут, не хотят мириться с фактами дискриминации. Они все активнее защищают свои права. Одна из самых боевых, самых массовых их организаций — Международная демократическая федерация женщин. Она объединяет прогрессивных женщин в борьбе против империализма, за мир, за национальную независимость и социальный прогресс. Мы представлены в Федерации Комитетом советских женщин, который недавно исполнилось 30 лет.

В декабре минувшего года состоялся пленум Комитета. С докладом «Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС, и задачи Комитета советских женщин» выступил В. В. Николаева-Терешкова.

Нам, советским людям, всегда и в самой высокой степени свойственно чувство пролетарского интернационализма. С миллионами передовых женщин разных стран нас объединяют общая надежда и общие тревоги. «Мы стремимся к тому», — сказала Валентина Владимировна, — чтобы деятельность Комитета советских женщин способствовала мобилизации международной женской общественности на активное участие в борьбе за цели, поставленные программой мира».

Идеи этой программы близки и понятны женщинам. Все внешнеполитические акты нашего правительства и Коммунистической партии ставят своей целью добиться прочного мира на земле. Они содействуют ликвидации опасных очагов империалистической агрессии в Индокитае и на Ближнем Востоке, мирному урегулированию конфликта в Индостане, укреплению безопасности в Европе. Матери хотят счастья своим детям, мира своим домам, они тревожатся за будущее человечества, которому угрожает империализм. Вот почему женщины всей земли разделяют и поддерживают мирное наступление Советского Союза.

Все, чем располагает Советская страна — ее природные богатства и открытия ученых, ее экономические успехи и военная мощь, ее опыт и международный авторитет, — все это служит интересам и нашего народа и трудящихся всего мира.

Мы, советские люди, видим свой интернациональный долг в

С праздником 8 марта!

8 марта!

том, чтобы трудом укреплять богатство и могущество социалистической Родины.

Большую программу развития социалистического хозяйства разработал XXIV съезд нашей партии. Каждая строка его Директивы проникнута заботой об интересах народа, о повышении его благосостояния. Сегодня эта программа стала законом государства, законом жизни и труда советского человека. Итоги первого года пятилетки первые недели второго года показывают, как велики энтузиазм народа.

...Оглянитесь вокруг себя в вашем цехе, на вашем участке или в лаборатории, на стройке жилого дома. Сколько здесь трудится женщин! Всего нас, женщин, среди рабочих и служащих — половина. А это значит, что от нашего труда, от нашей энергии и воли зависят многое.

Вклад женщин в успехи восьмой пятилетки высоко оценило наше правительство, наградив труженицы орденами и медалями и присвоив 550 женщинам высокое звание Героя Социалистического Труда.

Многие тысячи женщин и среди запевал социалистического соревнования за досрочное выполнение заданий девятой пятилетки. На страницах этого номера вы прочтете о замечательном почине ткачих московского шелкового комбината «Красная Роза», начавших соревнование на наивысшую зону обслуживания. Валентина Бобкова, Александра Крылова и еще десять их подруг обслуживают по 36 станков вместо двенадцати. Итог хороший: в два с половиной раза увеличился выпуск тканей в их цехе, а людей занято в три раза меньше, чем прежде!

Журнал рассказывает вам о Герое Социалистического Труда Елене Коцющинской, она инициатор соревнования «Пятидневку» — в четыре дня на заводе химического волокна в г. Рустави Грузинской ССР.

В этом году народы нашей многонациональной Родины будут отмечать 50-летие образования Союза Советских Социалистических Республик. Трудовыми победами стремимся все мы встретить этот юбилей. Рабочие Глуховского хлопчатобумажного комбината имени В. И. Ленина обратились к текстильщикам, машиностроителям, химикам и хлопкоробам России, Украины, Белоруссии, Узбекистана с призывом: присоединяйтесь к «Договору тысячи»!

Глуховцы пишут: «Мы живем и работаем в разных городах и селах многих республик страны. Но мы — одна рабочая семья. Пусть заключат договоры на соревнование ткачи Подмосковья с хлопкоробами Ферганы, машиностроители Костромы и оранжевые нильнерабочи, украинские химики и ткачи «Красной Розы». Такое соревнование еще больше укрепит братскую дружбу рабочих коллективов наших многонациональных республик...»

Этот призыв подписали знатные текстильщицы Л. Ананьева, Н. Белова, М. Федорова, Т. Лихачева, М. Мальцева, Р. Гаврилова и Л. Карава. Глуховцы взяли на себя ответственные обязательства, которые под силу людям, уверенным в своих знаниях, владеющим современной техникой.

Ярко, талантливо трудятся наши женщины-текстильщицы и химики, строители и железнодорожники, учителя и врачи, ученые и артисты. Творят, отдавая свои силы, талант, опыт общественно-му труду; творят, воспитывая деток, будущих граждан Советской Родины.

Мы желаем всем вам, славные наши подруги, большого, на-стоящего счастья! Всезде и во всем!

Мы поздравляем с Международным женским днем и желаем новых успехов нашим сестрам в социалистических странах.

Мы с вами, женщины Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, в вашей справедливой и геронческой борьбе против агрессии американского империализма!

Мы солидарны с женщинами арабских стран и хотим, чтобы на Ближнем Востоке был восстановлен справедливый и прочный мир.

Мы шлем горячий привет мужественным патриоткам Анголы, Мозамбика, Гвинеи (Бисау), Южной Африки и других стран, народы которых борются против колониализма, за свою независимость.

Матерям всей земли мы желаем ясного неба над домом, где растут их дети.

Надежда Николаевна и Василий Кириллович Пантели, 1946 г.

Фото Ю. Копылова.

ЕЕ НЕВЫСОКАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Был ранний час, и коридоры были пусты. Полночноватая, черноглазая, быстрая в движении женщина шла от кабинета к кабинету. Сотрудники еще не пришли. Но одна дверь все-таки открылась.

— Входите, пожалуйста, — кивнул мужчина из-за стола.
— Я к вам за помощью, — сказала женщина.
— Понятно, раз человек спазанок уже на ногах.
— Это я чтобы на работу успеть. А дело неотложное. На вокзале уже несколько дней живет женщина с четырьмя

дететами. История у нее сложная: муж трагически погиб, а она, видно, не могла выдержать обстановки и решила смешать место жительства. Доехала до Симферополя, а куда теперь, сама не знает. Надо бы устроить ее на работу в совхоз да и о квартире позаботиться. Поможете?

Сотрудник пододвинул блокнот:

— Как, вы говорите, ее фамилия?

— Не знаю... Да она сама к вам придёт.

Сотрудник молчал, обдумывая ситуацию.

— Так я им скажу, чтобы вы пришли, да?

— Ну, хорошо, — улыбнулся он напору посетительницы.

— Уговорили. Да, а сами-то вы откуда? Их комнаты матери и ребенка?

— Нет, почему же? Я буфетчица из железнодорожного ресторана.

беспокойтесь. Я уехала к папке на фронт.

Однако до отца девочка не дошла (и никогда больше не увидела его): санитетка, которая подобрала Надю, попала в окружение. Несколько дней шли на восток, но клещи окружения сокинулись далеко впереди.

Хозяин избы, где после иногодневного пути отдыхали командир санитетки, старшая медсестра и Надя, разбудил их среди ночи:

— Вставайте, за вами пришли.

Не зажигая света, хозяин представил гостям своего сына:

— Знакомьтесь, партизан. Он проведет вас в отряд.

Так Надя оказалась в партизанском синкомании легендарного А. Ф. Федорова.

Мы узнаем о подвигах наших людей в тылу врага и удивляемся их фантастической смелости, решительности, находчивости. Мы преклоняемся перед их героизмом. А Надя ребенком делила с партизанами все трудности их лесной жизни и сама участвовала в операциях: она была разведчицей.

Заместитель командира по разведке Черниговско-Волынского партизанского соединения Павел Семенович Золотаренко рассказывает о Наде Щур, Малышке, как звали ее в отряде. Рассказывает об одном эпизоде, втором, пятом...

— Да, Малышка была отважной и вместе с тем очень осторожной, умной разведчицей. Под видом маленькой нищенки она проникла в расположение фашистов и ухитилась добывать сведения самые нужные и точные. В сорок третьям году она была ранена. Отправили ее на Большую землю. Потом, как мне стало известно, вслед за наступающими советскими войсками Надя приехала в Минск и добилась, чтобы ее зачислили в армию. Вовсю в казачьем дивизионе. Перед самой победой, 3 мая 1945 года, уже в Берлине, ее контузили.

В сорок шестом году, во время одного из приступов дикой боли, Надя ушла из госпиталя прямо на вокзал. Ушла от процедуры, от врачей, от белых стен. Куда? Да хотя бы в Симферополь, там тепло, море недалеко...

Заведующий райсовбесом глянув на нее исподлобья:

— Что скажете?

Она хотела ответить, что сюда должны переселать ее пенсионное дело, но нервная дрожь не давала выговорить ни слова.

Она повернулась, чтобы уйти, и увидела стоявшую в дверях красивую женщину. Та подошла к Наде, обняла ее за плечи, посадила на стул.

— Успокойся, девочка. Не плачь. Ты кто?

Надя взяла на столе листок бумаги, написала: «Малышка».

— Ты больна? — спросила женщина. «Ранена. Конужена...» — вывела Надя.

Только потом, припомнив все, что делала для нее в те дни Александро Авенировна Маленко, Надя смогла спокойно оценить ее доброту и ее настойчивость. А тогда она просто выпалила все, что ей говорили. «Пойдем в облсобес».

«А сейчас в столовую». «Пойдем в баню, белье я приготовила». «Теперь в госпиталь».

Правда, на этом пункте прошла заминка. И вовсе не потому, что у Нади не было документов.

Александра Авенировна убедила начальника госпиталя: «Пensionное дело у нас. Сейчас искать некогда. Вот определим девочку, и я вам его принесу». И не из-за того, что сразу не знали, куда ее положить: в инфекционное — но у нее же первое расстройство, в нервное — но у нее еще есть мальдия.

Виновницей заминки была сама Надя: она наотрез отказалась стричься наголо. А это было совершенно необходимо. «Положите такую? — разводила руками медсестра. — Вы же смеете видеть. Не могу». Тогда Александра Авенировна подошла к больничному парикмахеру:

— Остригите меня. Пусть Надя увидит, что это совсем не страшно.

— Нет, нет. Вам не надо, — с трудом проговорила Надя. И на листке написала: «Я все поняла. Я отстригусь».

В симферопольском госпитале она познакомилась с Васей.

На первом этаже показывали «Радугу», и Надя спустилась в кино. Но ослепившие нервы не выдержали тяжести воспоминаний. Она потеряла сознание.

«Раненому плохо», — прокатилось по залу, и широколицкий парень предложил:

— Я отнесу. — Он поднял на руки стриженного парнишку, обернулся к его соседкам:

— Куда доставить?

— На второй этаж.

— Но там же женское отделение.

— Туда и надо.

...Надежда Николаевна смеется:

— А свадьба у нас была — другой такой не бывало. В загс пошли в пижамах, сверхушибли наброски. Нас расписывать не хотели. Даже в госпитале звонили. А вернувшись — Васин палату убрали, ребята где-то раздобыли цветы. Это в февраль-то! А на тумбочке холода, хамса. Петя Рогожинский подарил мне фланкеник духи, и Лена Гинц тоже...

Из госпиталя их выписывали вместе. Александра Авенировна с выхлопотала молодым коман-

кату. Начальник госпиталя Гододецкий распорядился выдать «на обзаведение» постельное белье, зачислил Надежду и Василия Пантелей на питание из больничной столовой. Так и брали оттуда целый год, завтраки, обеды и ужины.

Я называла бы это цепной реакцией доброты: человек не просто помнит, чем об责任感 другим людям, но и продолжает ее доброту в себе и передает ее дальше по цепи.

А какая Надежда Николаевна на работе, на небольшом своем служебном посту, который называется вокзальным буфетом?

— Вы сядьте недалеко от буфета и понаблюдайте, — предложил мне директор ресторана М. В. Мещеряков.

И я послушала совета. Да, конечно, Надежда Николаевна и впрямь делает быстрее и лучше, чем я. И я послушала совета. Да, конечно, Надежда Николаевна и впрямь делает быстрее и лучше, чем я.

— Надюша, привет. Сто коньку и бутерброда.

— Иван Семенович! Вы же на тридцать минут маршрута? Через сорок минут отправка. Нет, не буду подавать.

— Да свободен! Поменялся с напарником. Только сейчас из ряда.

— Точно! Вы же меня знаете. Раз обманете, никогда больше не поверю.

Железнодорожный буфет — место бойко. У меня создалось впечатление, что здесь даже те, кому не надо сию минуту на поезд, спешат, будто уже объявлено отправление. И Надежда Николаевна умеет в этой спешке работать спокойно, быть любезной и предупредительной («А ребенку возьмите кефир — очень свежий». «Салат кончился, но вот, пожалуйста, вкусный винегрет». «По-моему, вы взяли мало закуски. Да-да, поверните мне, малов». И как бы она ни устала, как бы ни болела раненая нога, Надежда Николаевна никогда не позволит себе той гримасы, какой прикрыла бы свою рабочницу.

В симферопольском госпитале она познакомилась с Васей. На первом этаже показывали «Радугу», и Надя спустилась в кино. Но ослепившие нервы не выдержали тяжести воспоминаний. Она потеряла сознание.

«Раненому плохо», — прокатилось по залу, и широколицкий парень предложил:

— Я отнесу. — Он поднял на руки стриженного парнишку, обернулся к его соседкам:

— Куда доставить?

— На второй этаж.

— Но там же женское отделение.

...Представляю, как много людю в доме Василия Кирилловича и Надежды Николаевны Пантелей в день Советской Армии: в этом году у них серебряная свадьба. Соберется за столом вся большая семья — теперь уже вырослые дочери и сыны, растет внук, радуется за молодежь бабушка Дарья Степановна. Награнут гости из близких и далеких мест, и многие захотят сказать искренние и благодарные слова супругам Пантелей, мужественным солдатам, сердечным людям.

Т. Копылова

г. Симферополь.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
РАБОТНИЦА
Журнал основан 8 марта 1914 года
Издательство «ПРАВДА» Москва • ФЕВРАЛЬ 1972

В Москве Жаклин Шонавель (справа) встретилась с заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР Я. С. Насреддиновой.

Фото Ю. Елоева.

В КРАСНОМ ПОЯСЕ ПАРИЖА

«Дорогая редакция! В газетных статьях о Франции я не раз встречала упоминание о коммунистических мэриях. Очень прошу вас: расскажите о них подробнее.»

Ответить на эту просьбу нашей киевской читательницы В. Эбоженко мог бы кто-нибудь из парижских корреспондентов. Но как не использовать такую неожиданно предстающую возможность: в Москву в числе других гостей из Франции приехали коммунисты Жаклин Шонавель, мэр коммуны Баньоль и депутат французского парламента.

У Жаклин, как и у всех в группе, пребывающие в советской столице было расписано с точностью до получаса: коллоквиум «Роль женщины в жизни города», беседы в Моссовете и Верховном Совете СССР, встречи в Комитете советских женщин и на московских предприятиях, Большой театр и Музей истории и реконструкции Москвы...

И все-таки она нашла время встретиться с корреспондентом «Работницы», предельно уплотнив один из вечеров.

— Дорогая Жаклин, дайте, пожалуйста, короткую справку о вашей коммуне: где она расположена, кто ее жители, сколько их?

— Может быть, вам знакомо выражение «красный пояс Парижа». Это рабочие пригороды нашей столицы, где особенно велико влияние коммунистов. Кольцо пригородов вокруг Парижа разделено на три департамента, а они, в свою очередь, — на коммуны. В департаменте Сен-Дени сорок коммун. Одна из них — Баньоль.

Наш район заселен в основном трудовым людом: из 35 тысяч жителей коммуны 14 тысяч работают.

— В том числе женщин?

— Около пяти тысяч. К сожалению, лишь немногие из них имеют квалификацию. Как правило, женщины достаются лишь место мелкого служащего в канцеляриях, продавщицы в магазинах или подсобной работницы на предприятиях.

— Теперь хорошо бы представить, как управляет коммуна.

— Управление осуществляет выборный муниципальный совет. Хочу разъяснить вам, что на выборах каждая партия или блок выступает со своим списком муниципального совета, избиратели голосуют, таким образом, не за отдельных кандидатов, а за список в целом. В Баньоль на всех выборах, начиная с 1928 года (а они проводятся раз в шесть лет), большинство голосов получает список от коммунистических организаций. На последних выборах в марте 1971 года в списке ФКП было 27 коммунистов, 2 кандидата и 2 левых демократов — всего 31 человек — это и есть наш нынешний муниципальный совет.

Залов и стадионов; начали строить бассейны. Открыты три библиотеки, не считая библиотеки на колесах: она обслуживает читателей прямо на предприятиях или в тех квартирах, где пока нет стационарной библиотеки.

Мы добились, что на территорию мэрии проведена линия метро. Это большая победа, за которую коммуна боролась целых сорок лет — да-да, с 1928 года! Собственно, с бою взято и все остальное: ни одна школа, ни один жилой дом не были подарком правительства.

— Можно показать на примере, что значит «брать с боя»?

— О, сколько угодно! Наметили, например, строить школу-восьмилетку. Мало того, что правительство ассигновало всего 29 процентов нужной суммы, оно тут же обложило коммуну налогом со строящегося объекта, а это 18 процентов от той же суммы (капиталисты умеют одной рукой давать, а другой забирать обратно). Выходит, что мы получили всего десятую часть стоимости строительства, а остальное должны были изыскивать сами. Возможность у муниципалитета одна — дополнительный налог с населения. И мы, разъяснив людям ситуацию, взимаем этот налог. Но, во-первых, совет коммунистической мэрии всегда старается возложить большую тяжесть на крупных собственников: владельцев предприятий, домовладельцев, торговцев и других богатых людей; бывает, правда, что префект не утверждает наше решение — тут уж мы беспомощны.

Во-вторых, мы входим в правительство с требованием о дополнительных ассигнованиях. Пишем письма и представления в правительство, в министерство по образованию мы, члены муниципального совета; пишут просто граждане коммуны. Сначала разъясняют нулевой. Потом, как это было в случае с восьмилеткой, в министерство посыпались delegations, и они ничего не пробили. Тогда родители школьников расклеили объявление, что в ближайшую субботу устроят на месте будущей школы демонстрацию, и десятки телеграмм известили об этом министру. Массовые выступления недовольных — явление для правительства нежелательное, и министр поспешил уведомить членов муниципального совета, что средства изысканы и что повод для демонстрации снят. Но было уж поздно: демонстрация состоялась, и я смогла сообщить людям, что наши общие усилия не пропали даром.

На некоторые нужды коммуны правительство вообще не выделяет ни одного су. Я знаю муниципальные советы, которые не хотят ломать из-за этого коля, чего-то требовать от правительства. Депутаты же коммунистических мэрий считают себя обязанными добиваться для своих избирателей-трудящихся максимального удовлетворения их нужд. Заместитель секретаря нашей партии товарищ Жорж Марше сказал об этом на плenumе ЦК: «Миллионы французов и французы верят в коммунистическую партию именно потому, что предлагаемые нами решения соответствуют их глубоким чаяниям».

— И последний вопрос, дорогая Жаклин: кто вы по профессии?

— Стенографистка. А «заметили» меня и в первый раз выдвинули в муниципальный совет, наверно, потому, что я активно работала в организации коммунистической молодежи. Работала, выполняла каляту, которую дала себе, когда узнала о смерти отца. Он был коммунистом и погиб в гитлеровском концлагере.

Беседу вела М. ВОСКРЕСЕНСКАЯ.

зато, что убил ее младший сын, она узнала по телефону:

— Хэлло! Говорят из полицейского управления города Сан-Рафаэль. Это миссис Джорджия Джексон. Ваш сын Джонатан убит в перестрелке с полицией. Нужно, чтобы вы приехали и опознали его труп. Не задерживайтесь, нам требуется оформить кое-какие официальные бумаги.

Голос в телефонной трубке звучал спокойно и деловито. Даже слишком деловито. Им там, в Сан-Рафаэле, было безразлично горе матери. Их интересовали только бумаги, которые надо было оформить поскорее.

Смерти старшего, Джорджа, она с ужасом ждала каждый день, каждый час, и когда звонил телефон, у нее подкашивались ноги. Джордж уже несколько раз откровенно писал ей из тюрьмы, что живым его отсюда не выпустят. Последние письма были особенно тревожными. Как она боялась за него! Как хотелось ей защитить его от пули палача! Как болело ее сердце! Наверное, только матери могут понять это до конца.

Иногда, обессилен от слез, она горько думала: за что ей такая доля? Чем превинилась она перед всемиышими?

В те годы, когда рожали дети — два сына и три дочери, — семья жила в негритянском гетто Чикаго. Окна их комнаты упирались в стену, которой была огорожена фабрика. Почти над самыми окнами грохотала знаменитая чикагская наездка — городская железная дорога на стальных сваях. Под окнами была свалка. Старший из сыновей, Джордж, до пяти лет даже не догадывался, что на свете существует что-то еще, кроме фабричного зaborа, наездки и мусорной свалки.

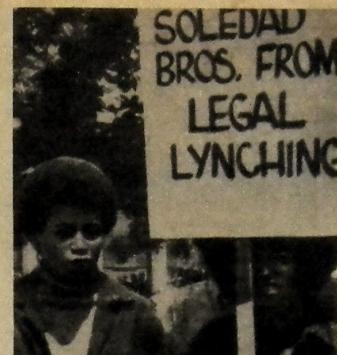
Но время шло, и настал день, когда грачины этого маленько мира чуть-чуть раздвинулись. Однажды Джордж оказался в городском парке. Именно тогда мне была нанесена первая физическая и душевная травма, — вспоминал он впоследствии. — Несомненно, белых детей я видел и прежде — на картинках журналов. Но в жизни я увидел их впервые. Любопытство мое было столь велико, что я подошел к одному из них, потрогал его волосы, провел рукой по щеке. Он ударил меня по голове бейсбольной битой. Когда меня нашли, я лежал без сознания под забором.

Джордж был любимцем и одновременно горем матерей. Он был своеобразен и неукротим. Таким его сделали улицы гетто, где он пропадал целыми днями. Это очень отгорячало мать. Но что она могла дать ему вместе улицы? Она водила его в церкви и учila любить людей и прощать врагов. Внушила ему, что нужно терпеть и покоряться. Она отдала его в католическую школу святого Малакия, надеясь, что там из него сделают послушного и кроткого католика. А для него это была школа, где он отчаянно понял, что мир устроен несправедливо.

«Собственно говоря, школа святого Малакия состояла из двух отдельных школ: для белых и для черных, — писал он 20 лет спустя. — Мы играли и дрались на тротуарах, они имели в своем распоряжении большой тенистый сад с густой листвой, обнесенный восьмиметровой решеткой (её назначение — не допускать внутрь нас). Во дворе белых учеников имелись столики для завтраков на волном воздухе, качели, горки, а также замысловатые спортивные сооружения для детей старшего возраста. А у нас в течение многих лет были только переполненные людьми тротуары и тупик за школой.

Выступления доведенных до отчаяния негров производили официальную Америку в ужас. То в одном, то в другом городе — более чем в двухстах городах Соединенных Штатов — строчили пулеметы национальных гвардейцев, подавлявших негритянские мятежи.

Один за другим от рук расистов падали

Джонатан Джексон и Анджела Дэвис на демонстрации в защиту узников Соединенной тюрьмы. Снимок сделан незадолго до гибели Джонатана.

Джорджа Джексона.

Борис СТРЕЛЬНИКОВ

«МОИ СЫНОВЬЯ — ВО ВСЕМ МИРЕ»

Джордж бросил школу, не доучившись, и весело отдалась улице. Иногда он не приходил домой целыми днями. Чем старше он становился, тем длиннее становились его отлучки.

Ему было восемнадцать, когда его арестовали по обвинению в краже 70 долларов из кассы бензозаправочной станции. Судья приговорил его к тюремному заключению «от одного года до пожизненного». Другими словами, тюремным властям давалось право решать, выпустить его на свободу по истечении года или держать за решеткой до самой смерти.

Джордж уже сидел в тюрьме, когда погибли сестры, материнские братья, негритянские девочки, на которых он сидел. «Собственно говоря, школа святого Малакия состояла из двух отдельных школ: для белых и для черных, — писал он 20 лет спустя. — Мы играли и дрались на тротуарах, они имели в своем распоряжении большой тенистый сад с густой листвой, обнесенный восьмиметровой решеткой (её назначение — не допускать внутрь нас). Во дворе белых учеников имелись столики для завтраков на волном воздухе, качели, горки, а также замысловатые спортивные сооружения для детей старшего возраста. А у нас в течение многих лет были только переполненные людьми тротуары и тупик за школой.

Долгими тюремными ночами он размышлял над трагической судьбой своего народа. Его предки были рабами, которых били, не считали за людей и к которым относились как к рабочему скоту, как к лошадям

лидеры негритянского движения. В Миссисипи был убит Эдгар Эверс. В Нью-Йорке — Малькольм Икс. В Мемфисе — Мартин Лютер Кинг. В Чикаго, Новом Орлеане, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе полицейские под разными предлогами застрелили свыше 30 руководителей боевой организации негритянской молодежи «Черные пантеры». Позже Джексон напишет Анджеле Дэвис, уже преподавателю философии: «Они убивают каждого активного негра в тот самый момент, когда он делает попытку объяснить людям, что все наши проблемы, исторические и стратегические, связаны с проблемами и борьбой всех колониальных народов... Ты помнишь, что было на устах Мартина Лютера Кинга, когда он умирал: «Вместе и экономика»...»

Джордж Джексон и Анджела Дэвис виделись один раз в жизни: в наручниках ее привезли в тюрьму, где сидел Джордж, на очную ставку с ним (дело в том, что младший брат Джорджа, Джонатан, стал добровольным «телегородителем». Анджеле после того, как стало известно, что ультраправые хотят расправиться с ней). Но переписываться они стали гораздо раньше. Джордж написал Анджеле свое первое письмо в тот день, когда узнал, что она вступила в Коммунистическую партию США.

Он часто писал своей матери. И сейчас, когда читавши эти письма, видишь, как под влиянием сына изменились взгляды матери, ее духовный мир.

Сын спорил с матерью в письмах и не боялся суровых даже жестоких слов, хотя знал, что они причиняют ей боль. «Не ходи, чтобы я изменил или хотел в чем-то смягчил свои взгляды», — писал он ей в марте 1967 года. «Может быть, тебе действительно кривится «ходить по деревенке» или, иначе говоря, ставить себя в подчиненное положение. Но мне это омерзительно...»

«Я испытываю неодолимое сочувствие, сопротивляясь, сопротивляясь и только сопротивляясь», — писал он ей некоторое время спустя. — И даже подумать не могу о том, чтобы перестать сопротивляться раньше, чем одержу победу... Я не удовлетворюсь до тех пор, пока не стану настоящим коммунистом, человеком революции».

21 августа 1971 года Джорджа Джексона застрелили в тюрьме будто бы «при попытке к бегству». Это было хладнокровием, злодейская расправа над политическим заключенным, которого боялись и ненавидели торпешники.

Мать что-то шила, когда по радио услышала о его смерти. Она выронила шитье и скатилась за сердце.

Телефон молчал. Она сняла трубку, наложила себя телефонистке и попросила соединить с торпешником.

— Кто говорит? — переспросили из тюрьмы. — Мать Джорджа Джексона?

— Да, Мать Джексона.

— Ухлопали твоего Джорджа, — засмеялась торпешница.

Она молчала.

— Больше у тебя нет ни одного сына, — услышала она в трубке голос торпешника. — В прошлом году одного, сегодня второго... Потом приехали репортеры. Нацепились на нее фотоаппаратами, ждали, когда она заплачет. Поборов ридания, она сказала:

— Палачи ждали этого для десять с половиною лет и вот дождались. Но они ошибаются, если думают, что победили. Вы можете написать в своих газетах, что я, простая негритянка, горююсь моими сыновьями. Я горжусь, что они были друзьями Анджелы Дэвис. Напишите еще, что всех моих сыновей убить невозможно. Они — во всем мире.

г. Вашингтон.

ДРВ

В конце прошлого года американская военная воинственная бомбардировщики территории ДРВ. Пентагон сообщает в своих сведениях о «боевых вылетах», о «военных действиях» и о том, что в ходе агрессии наносятся массированные удары по мирным городам и селениям. Рушатся стены хижин, больницы и школы, гибнут старики, женщины и дети.

Все это, конечно, народ даёт агрессорам достойный отпор.

На снимке: бойцы народной милиции осматривают обломки американского самолёта, сбитого над провинцией Тхьенхуа.

Радиофото ВНА — ТАСС.

на разных широтах

Радиофото ВНА — ТАСС.

США

Фото из американской газеты «Пиппа Уорлд».

АНГЛИЯ

Английская печать почти единогласно сообщает о засильи предприятий, о масовых увольнениях. Армия безработных все пополняется.

В городе Эссенсе на демонстрации вышли рабочийцы одного из заводов компании «Дженерал электрик». Они выступают против решения администрации об очередном сокращении, в результате которого должны остаться за воротами 350 рабочих.

Фото из английской газеты «Моринг стар».

ИТАЛИЯ

На эту демонстрацию женщины Рима вышли со своими детьми. Нехватка в итальянской столице детских садов — бедствие для работающих матерей.

На торжествах, которые несут женщины написано: «Детский сад — это социальная и педагогическая необходимость. Это право и ребенка и матери».

Фото из итальянского журнала «Нои донне».

В ИСТОРИЮ КОСМОНАВТИКИ ВПИСАНА ЕЩЕ ОДНА ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ СТРАНИЦА. ПРЕДОЛЕВ МИЛЛИОНЫ КИЛОМЕТРОВ, СОВЕТСКИЕ МЕЖПЛАНЕТНЫЕ АВТОМАТИЧЕСКИЕ СТАНЦИИ «МАРС-2» И «МАРС-3» ТОЧНО ПОДОШЛИ К СВОЕЙ ЦЕЛИ И ПРИСТАЛИ К ВЫПОЛНЕНИЮ ЗАДАННОЙ ИМ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЙ. РЕШЕНА И ДРУГАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА — СПУСКАЕМЫЙ АППАРАТ ПРОИЗВЕЛ МЯГКУЮ ПОСАДКУ НА ПОВЕРХНОСТЬ МАРСА. РАДИОСИГНАЛЫ УСТРЕМИЛИСЬ НА ЗЕМЛЮ С ДАЛЕКОЙ И ЗАГАДОЧНОЙ «КРАСНОЙ» ПЛАНЕТЫ. ОНИ РАССКАЗАЛИ ЛЮДЯМ О ТОМ, ЧТО ВСТРЕТИЛОСЬ СТАНЦИЯМ В ДОЛГОЙ ДРОГЕ. ЗЕМЛЯ ПОЛУЧИЛА ФОТОГРАФИЧЕСКИЕ СНИМКИ ПОВЕРХНОСТИ МАРСА.

На МАРС ДОСТАВЛЕН ВЫМПЕЛ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА.

ЗАГАДКИ МАРСА

Начнем, пожалуй, с небольшого задания. Восемь часов вечера, Ленинские горы. Вниз спускается Москва. Ваша задача: среди многих тысяч огненеков найти то единственное, что вспыхнуло в вашей квартире, где вы забыли выключить свет.

Первое мая. Вы слышите по радио праздничный концерт. Из зрительного зала до вас доносится гул голосов. Вам предлагается различить в этом гуле голос вашей приятельницы, которая находится среди приятелей, и разобрать, что именно она сказала.

И еще. В комнате многие миллиарды бактерий. Необходимо установить на них путин непроницаемую преграду.

Предложения несерьезны? Но подобные и даже куда более трудные задачи пришлось решать создателям автоматических станций «Марс-2» и «Марс-3», отправляемых из Земли в долгое путешествие.

Шесть месяцев летели станции в космос. Одна сторона была постоянно обращена к Солнцу, другая — в черноту космоса. Газ, наполняющий отсеки, циркулировал из «печки» к «холодильнику», постоянно поддерживая внутри станции заданную температуру. Если бы в оболочке приборного отсека существовал микротрещина, настолько маленькая, что в нее не проникнуть даже бактерии, газ все равно постепенно испарился бы в космос. Потребовались специальные материалы и способы их соединения, чтобы сделать конструкцию «газонепроницаемой».

«Голос» станции, отданный от Земли на сотни миллионов километров, постоянно заглушается космическими шумами. Поставить передатчик, сигнал которого превышал бы уровень радиоголосов Вселенной, невозможно: он бы слишком громоздил и тяжел. Чтобы выделить голос станции из общего «радиогромона», потребовалось оснастить Центр дальней космической радиосвязи сложнейшей электронной аппаратурой, снабженной антеннами, системами зеленых и красных оптических машин, которые анализируют поступающую из района Марса информацию.

Во время всего полета оптико-электронный прибор станции был нацелен на Канопус, звезду, очень яркую, вторую после Сириуса по блеску. Среди myriad звезд для астронавигаторов Канопус наиболее удобен — он никогда не перекрывается Солнцем. Точная ориентация в пространстве помогла станциям поддерживать устойчивую связь с Землей и благополучно прибыть к цели своего путешествия — к Марсу.

Чем же интересна эта планета? Загадок у нее более чем достаточно. Не было, пожалуй, астронома, который в той или иной мере не интересовался бы Марсом — каждый находил что-то непонятное и необъяснимое.

Прежде всего, конечно, «материни» и «марьи». В телескоп на планете отчетливо видны темные и светлые области. Итальянский астроном Синапарели, известный тем, что он открыл на Марсе «каналы», составил первую подробную карту планеты, на которой желто-красные (светлые) области нарицаны «материнами», а голубоватые (темные) — «марьянами».

Современные Синапарели не сомневаются в том, что на Марсе есть вода. В некоторых районах сквозь голубоватую дымку просвечивает желтизна. Значит, это не что иное, как песчаные барханы — глубина моря становится нормичевато-фиолетовыми, они не отражают инфракрасных лучей, и только эти машины обяснят на цвет.

Родилась новая отрасль науки — астроботаника, которая изучает растительный покров Марса и Венеры.

Очень хотелось бы написать: да, сегодня полеты станций подтвердили гипотезы Тихова. Но увы... Исследования, проведенные с борта орбитальных станций Марса, показывают, что наличие растительности маловероятно. Сезонные изменения на планете, «волны помутнения», различимая отражательная способность поверхности связана с физическими и химическими условиями — состав марсианских почв в различных районах неодинаков, к тому же сильные ветры и бури переносят гигантские массы вещества по поверхности, и это вызывает изменения ее цвета. Вероятнее всего, и растительность на Марсе — всего лишь легенда, как и могущественные марсиане, построившие «каналы».

Что же, жизнь и работа Гавриила Андриановича Тихова была напрасной?

В Центре дальней космической связи в начале одного из сеансов я разговаривал с учеными. Вопрос был один: что привело вас на Марс?

— Мечта, — ответил один, — с детства я увлекался книгами по астрономии, в особенностях работами Тихова. Из-за него, пожалуй, Марс стал для меня привлекательным...

— В сердце каждого из нас, — сказала другая, — постоянно носила уверенность в существовании жизни на Марсе, и она здравохвала для создания станций.

Третий добавил: «...На Пулковских высотах шли ожесточенные бои с фашистами. А в далекой Азии, куда были эвакуированы астрономы на Пулковы, Г. А. Тихов фотографировал Марс. Он применил светофильтры, чтобы более разнообразил марсианский рельеф и назначил его различными цветами. Это, пожалуй, первая попытка научного визуализации космического века».

На Пулковских высотах шли ожесточенные бои с фашистами. А в далекой Азии, куда были эвакуированы астрономы на Пулковы, Г. А. Тихов фотографировал Марс. Он применил светофильтры, чтобы более разнообразил марсианский рельеф и назначил его различными цветами. Это, пожалуй, первая попытка научного визуализации космического века.

Работы Тихова подсказали один из экспериментов. У фотометров, установленных на «Марс-2» и «Марс-3», есть набор светофильтров. Они разного цвета и помогают выявлять отражательные особенности различных районов Марса. То, что делал Тихов с Земли, — станции осуществляют в космосе. Правда, они находятся в более благоприятных условиях: расстояние до планеты изменяется не десятками миллионов километров, а всего тысячами.

...Я рассказал всему лицу об одной проблеме. А таких задач множество, так как слишком многое неясного в марсианском мире. Потолок станций к Марсу — только пролог широкого комплексного исследования «красной» планеты. Об этом думашь, когда репродукторы Центра дальней космической связи доносят до нас уже привычные слова: «До сеанса связи со станцией «Марс-3» двадцать минут. Всем службам приготовиться и начинать сеанс»...

В. ГУБАРЕВ

Центр дальней космической связи, Москва.

ТВОИ ДОЧЕРИ, САКАРТВЕЛО

В. СИРАДЗЕ, заместитель
Председателя Совета Министров
Грузинской ССР

«Вин ари? — по-грузински значит «кто это?».

Такое необычное имя дала своей дочери Кетеван Схулухия. Вернется с войны муж, мечтала она, распахнет дверь родного дома, и, счастливо просияя над колыбелью, спросит шепотом: «Вин ари? Веди он ушел на фронт, когда жена еще ждала ребенка.

Но солдат так и не довелось склонить над колыбелью дочери. В морозном январе сорок второго, когда Григорий Схулухия возвращался из разведки, его схватили фашисты. Допрос, пытки, снова допрос... Враги не сумели добиться от Григория ни слова. Он молчал, потому что за его спиной был отчий дом и любимая Грузия — Сакартвело, потому что за его спиной была вся огромная его Родина — Советская страна.

Он отдал жизнь за счастье грузин и русских, украинцев и казаков. За наше с вами Сегодня. Постмертно Григорию Схулухия присвоено звание Героя Советского Союза. В центре села Рухи, Зугдидского района, установлен памятник герою. Имя его с честью носит колхоз, один из передовых в

Дина Самсакадзе — инженер Тбилисского экспериментального завода управляющих вычислительных машин.

В СЕМЬЕ
СССР
БРИЛЮК

А как же сложилась жизнь девочки с необычным именем — Винари?

Окончив школу, Винари попросилась в бригаду чаеводов, которой мать ее, Кетеван Схулухия, руководила бессменно с первых дней войны.

Любой рекорд можно улучшить! Эта уверенность матери стала со временем и девизом Винари. Пять тысяч килограммов чая с гектара, шесть тысяч, семь. Неужели предел? Еще больше труда, больше упорства, больше знаний — и гектар дает восемь тысяч килограммов чая, девять... Попытайтесь представить себе, что за работа кроется за рекордными цифрами: каждый килограмм чая складывается из 2500—3000 листочков.

И в образовании не хотела Винари оставаться на месте. Она мечтала стать агрономом. Засиживалась за полночь над контрольными, привезла из города тяжеленные связки книг. Только тот, кто учился заочно, знает, какая для этого требуется воля и собранныость. Через несколько лет Винари вручили диплом об окончании Грузинского сельскохозяйственного института.

В 1966 году к дочери солдата пришла всенародная слава: ее грудь украсила звезда Героя Социалистического Труда. А мать ее — Кетеван Схулухия — была награждена орденом Ленина.

Три года назад Винари пришло пре-

рвать работу в колхозе: ее послали учиться в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Сейчас Винари — ответственный работник Центрального Комитета комсомола.

Я рассказала лишь об одной судьбе, за красивым разбогом которой слежу вот уже несколько лет. Слежу с гордостью.

Мне приходилось бывать за рубежом. Встречавшись с женщинами, из очень интересует наша действительность, сам уклад советской жизни. рассказываешь о биографиях, подобных Винари, — и улавливашеешь порою недоверие: случается, дескать, у человека стеченье счастливых обстоятельств. Но мы-то знаем: не в обстоятельствах дело, а в тех безграничных возможностях, которые предоставила Советская власть человеку труда.

Более 380 женщин Грузии удостоены звания Героя Социалистического Труда, более 23 тысяч награждены орденами и медалями.

Вин ари? Кто она сегодня, моя современница, моя землячка?

Для каждого из нас черты эпохи воплощаются в конкретных людях, знакомых нам, растущих на наших глазах.

Для меня это знатная ткачиха Этери Соломония, прошедшая путь от рабкой деревенской девочки до Героя Труда, государственного деятеля. Ее интересы выходят далеко за пределы цеха. Этери волнуют дела

Мери Махарадзе (слева) и Надия Сурманкидзе, лучшие работницы Салибаурского чайного совхоза Аджарской АССР. Фото Н. Маторина.

всего шелкового объединения, партийная жизнь предприятия, успехи подруг, многие из которых были прежде ее ученицами. На XXIV съезде КПСС Этери Соломония вместе с другими делегатами обсуждала задачи девятой пятилетки, и сегодня она отдает свой труд выполнению этих задач.

А кто не знает в Грузии Нину Жвания — женщину, унаследовавшую от революционного поколения чистоту и непоколебимость идеалов, доброту и несгибаемую волю! Нина Авксентьевна — заместитель председателя исполнкома Тбилисского Совета депутатов трудящихся. Она прошла в комсомоле путь от пионервожатой до секретаря Центрального Комитета комсомола республики. И те, кто знал ее в тяжелую порувойны, и те, кто по тому или иному поводу сталкивается с нею сегодня, не перестают

поражаться ее энергией, той решительности поступков, за которой стоит обычно высокая требовательность, и прежде всего к себе.

С незапамятных времен бытует пословица: «Человек — кузнец своего счастья». Но до революции поговорка эта звучала для многих женщин лишь горькой ironieй. Само понятие счастья было ограничено: в лучшем случае оно выливалось для грузинки в узенький ручеек семейных радостей. А оказалось, сколько дремлющих способностей таилось в нежных женских душах, сколько силы в тонких руках!

Немало предрассудков пришлое преодолеть женщине, чтобы доказать свое право на достойное место в обществе. Актриса, учительница — это еще допускалось в дореволюционной Грузии. Но жен-

щина-академик? Врач? Инженер? Государственный деятель?

А сегодня едва ли кого-то удивит тот факт, что 40 процентов депутатов местных Советов — женщины, 125 женщин избраны депутатами Верховного Совета Грузинской ССР, 22 представляют нашу республику в высшем Совете страны. Успешно трудятся женщины — министры и заместители министров, председатели исполнкомов городских и районных Советов депутатов труда-ящихся, директора фабрик и научно-исследовательских институтов, руководители колхозов и совхозов.

Не могу не назвать имени Ксении Бахтадзе, академика ВАСХНИЛ и Академии наук Грузии. Ее многолетние труды по селекции чаев получили широкую известность не только в нашей стране, но и за ее преде-

Т. РЯБИКИНА

ГОРОД НА ЛАДОНИ

Елена Коицашвили.

Фото ГрузТАГ

- Строительница.
- Въезд в котлован высотной плотины.
- Плотина первой перепадной ГЭС.
- Кафе в поселке строителей.

В. КАЩЕНКО.

НА СТРОЙКЕ ИНГУРИ ГЭС.

лами. Бахтадзе — создатель высокоурожайных и высококачественных сортов чая. Нина Джавахишвили, член-корреспондент Академии наук Грузии, возглавляет Институт экспериментальной морфологии.

И так во всех областях жизни республики — научной, культурной, хозяйственной. Женщинам по праву принадлежит всякая доля успехов, достигнутых нашей республикой за годы Советской власти. Из колониального сельскохозяйственного приданка царской России Грузия превратилась сегодня в край черной и цветной металлургии, станкостроения, автомобилестроения, электротехнической, приборостроительной, деревообрабатывающей, угольной, горнообогащающей, химической, легкой и пищевой промышленности.

Чтобы пояснить динамику роста, приведу такое сравнение: сейчас за одну рабочую неделю в Грузии выпускается столько же продукции, сколько до революции за целый год!

А в этой пятилете объем промышленного производства должен возрасти на 44 процента. Причем предполагается преимущество развития тех отраслей, которые определяют технический прогресс,—электроэнергетики, машиностроения, химии и других. Будут введены в действие мощности на Ингурской ГЭС, даст ток первая электростанция каскада Варцизских ГЭС, начнется сооружение Жинвальского гидротехнического комплекса. Намечено освоить 70 тысяч гектаров поливных земель и 50 тысяч гектаров осушивших площадей, значительно увеличить выпуск чая, фруктов, вина, молока, мяса.

Все мы сейчас живем в преддверии большого праздника — полувекового юбилея нашего Союза, содружества свободных, равноправных советских республик. Это будет праздник родства, праздник единства.

Мы никогда не забудем, как в труднейшие годы правительство юной Советской России выделило из своего бюджета 750 тысяч рублей золотом для оказания экономической помощи Грузии. Подлинным примером взаимовыручки и дружбы пролетариата было подарок рабочих Москвы, которые в 1923 году передали республике оборудование для Кутаисской суконной фабрики.

Революция сделала дружбу и взаимопомощь законом в отношениях между советскими народами. Нет, наверное, области в Советском Союзе, куда не шла бы сегодня продукция грузинских предприятий, — будь то катера на подводных крыльях или электронно-измерительная аппаратура, марганец или медицинские препараты.

Было время, когда республика расплачивалась золотом за услуги зарубежных экспертов.

Сегодня Грузия экспортирует опыт

и знания своих специалистов в 36 стран мира.

Посланцы Сакартвело помогали строить Асуанскую плотину в Египте, металлургический завод в Бхили, автомагистраль в Афганистане, морской порт в Йемене, Таиландские инженеры Нетелла Маглоблишвили и Ламара Ахобадзе помогали строить чайные фабрики во Вьетнаме; хореограф Надежда Ращепкина готовила кадры для первого национального балета Кубы; пианистка Этери Папашвили участвовала в организации консерватории в ОАР и более двух лет работала там концертмейстером; врач-гинеколог Этери Гаванделадзе была ведущим специалистом в Ираке.

Моя современница... Разные профессии выбрали они, по-разному складываются их судьбы. Но родит их главное — активное творческое начало. То самое творческое начало, которое помогает человеку обрести подлинное счастье.

2. «Работница» № 2.

Когда подъезжаешь к Рустави, город встречает тебя кварталами застрошенными. Их нет еще, они даже не размечены. Но именно сюда наступают подъемные краны. Они вежливо раскланяются с тобою по пути слева и справа, с равнинами и с рыхлыми холмами.

И, наверное, оттого, что в глазах еще не успело остыть почтение перед древностями грузинской столицы, новизна Рустави так разительна.

Город без окраин. Город без лептости. Многоэтажье. А на горизонте, как первоночала, как цель и смысл социалистического Рустави, — шеренги индустриальных труб. Там известный всей стране металлургический гигант с его уникальным комплексом сталелитейного и сталепрокатного производства, с его новаторами, группа которых за автоматизацию стана «400» отмечена Ленинской премией. Там же мощная строительная промышленность, без которой немыслима рост города (сейчас население его около 120 тысяч, а к 1980 году оно увеличится до 180 тысяч). И там же, вдали от жилья, предприятия отрасли, для Рустави новой, — химии.

Я была в Грузии как раз в те дни, когда сессия Верховного Совета республики утвердила планы нынешней пятилетки. Намекнуло мне: если возможно, и на следующий день Коицашвили не беспокоить. Ведь она запевала почина «Пятидневку — в четыре дня». Соревнование разгорелось азартное, в конце недели все круглышами непременно свои результаты сверяют. Так что у Коицашвили каждая рабочая минутка на счету.

Я побежала с заводом, разговаривала с другими работниками. А на работу Елены посмотрела лишь со стороны.

Струята паутинки волокон. Скрываясь воедино, они образуют нить. Потом нити переплетутся и станут кордной тканью, сделают выносные, прочие шины самых тяжелых машин. Но это будет потом. Здесь же, в цехе горячий вытяжки, нить только рождается.

Тридцать шесть веретен с одной стороны огромной машины, 36 — с другой. Машину расположено обслуживать вдвое. Но Коицашвили управляет одна вот уже четвертый год.

Мы рассказали, как она на это решилась. Напарница ушла в отпуск. А с рабочей силой юному предприятию тяго было. «Химия» — само слово отпугивало непривычностью. Завод должен набирать проектную мощность, а машины, глядишь, то тут, то туда без людей, без дыхания.

«Что если попробовать? — думала Елена. Начальная смены обрадовались: «Хотя бы один смен — и то дело! Установишь — остаются».

Не отключили до конца смены. И на второй день и на третий. Тайм в цехе нет, подходили соседки, прикладывали. Но Еле-

не и шубы увидишь, и плащи, и костюмы. Удивились, что большая дочь — спросила Елена (я впервые недоверчиво пересчитала в уме годы). — На съезд комсомола послали меня в Москву — уж помалкивала там, а похвалилась охота: и отличница Маринка и помощница. Когда дети далеко, для матери и разговор про них — свидание.

Она снова улыбнулась, открыла, уверенная. Так вот ты какая, Елена Коицашвили, первый и пока единственный на своем заводе Герой Труда.

— Замуж выскочила — и говорить-то нечего, в пятнадцать. И не жалела потом, нет. Понятно, в вечеринку доучиваться труднее. Но сама же судьбу свою решила! Теперь техникум хочу осилить.

Наша с ней встреча «с первого захода» не получилась: я приехала в Рустави, а Елену вызвали в Тбилиси, на пленум ЦК комсомола. Заводское начальство мягко намекнуло мне: если возможно, и на следующий день Коицашвили не беспокоить. Ведь она запевала почина «Пятидневку — в четыре дня». Соревнование разгорелось азартное, в конце недели все круглышами непременно свои результаты сверяют. Так что у Коицашвили каждая рабочая минутка на счету.

Я побежала с заводом, разговаривала с другими работниками. А на работу Елены посмотрела лишь со стороны.

Струята паутинки волокон. Скрываясь воедино, они образуют нить. Потом нити переплетутся и станут кордной тканью, сделают выносные, прочие шины самых тяжелых машин. Но это будет потом. Здесь же, в цехе горячий вытяжки, нить только рождается.

Тридцать шесть веретен с одной стороны огромной машины, 36 — с другой. Машину расположено обслуживать вдвое. Но Коицашвили управляет одна вот уже четвертый год.

Мы рассказали, как она на это решилась. Напарница ушла в отпуск. А с рабочей силой юному предприятию тяго было. «Химия» — само слово отпугивало непривычностью. Завод должен набирать проектную мощность, а машины, глядишь, то тут, то туда без людей, без дыхания.

«Что если попробовать? — думала Елена. Начальная смены обрадовались: «Хотя бы один смен — и то дело! Установишь — остаются».

Не отключили до конца смены. И на второй день и на третий. Тайм в цехе нет, подходили соседки, прикладывали. Но Еле-

Фото Д. Хечондзе с сюжетом.

на не торопилась. Лишь когда надежно убедилась — под силу 72 веретена, попросила закрепить их за нее.

Потом без напарницы стала работать Галина Карава. Потом Мимоза Кикилашиви, Маро Майсурадзе...

Мы встретились с Еленой в горкоме комсомола.

— Ну, как пятнадневка? Наверстали?

— Порядок. — И вздыхает: — Прежде мне легче было. Гораздо. А теперь... Каждый поступок десять раз взвешен, каждое слово, чтобы и в мелочи не показалось: недостаток на звания Героя. Об Указе узнали мы в день открытия съезда партии. Сбежались все, поздравляют. А я одиночка: «Что же мне теперь делать, а?»

Елена помолчала, словно заново, в который раз, переживая события того памятного на всю жизнь дня.

— Помни, Валя Сметанина подошла, первая моя учительница. Она меня еще на хлопоткающей учила, потом вместе на химию перешла. Знаете, она такой классной тяжелой была, что на ее работу могла часами смотреть. Просто из красоты, правда! Я ей даже в походе подражала, в жестах. И сейчас как прохожу по ткацкому, окунусь в шум — и на душу музыка. Наверное, без Вали у меня бы и не было этого...

Елена поискала нужное слово, не нашла, но и поняла, о чем она хочет сказать.

— Так вот, я спрашивала: «Валя, что мне теперь делать, а?» Она успокаивает: работай, мол, как и работала. Валя хотела и не в нашем цеху — перенесла операцию, и привезли ей на склад первей, но за мониторингом всегда следят, я знаю. «Мне кажется... говорю, — это пятнадевку я сумею за три года. Вот пересчитаю все. Как думаешь, а?» «Здорово! — улыбается. — Только знаешь что, Леночка, я бы все-таки поставила тебе, доступную для многих, а не для единичек...» Просоветовалась и с бригадиром, с девчатаами, потом пошла в партком. Так и возникло у нас это движение «Пятнадевку — в четыре года, пятнадевку — в четыре дня». По-моему, это конкретнее: перед каждой рабочей неделей определялись для себя цель. И сразу видно, кто впереди, кто отстает.

Елена легко поднялась со стула, пододвинула к окну.

— Улица эта Бокзальной прежде называлась, сейчас проспект Шота Руставели. А деревень! Я их прутками помню. Мы из села сюда прискали. Отца в войну потеряли. Старшего брата, как члена партии, в Руставели посыпали — ну, вы знаете, какое значение придавали стройке. Метал! Николай потому всю семью перевез... Я не знаю, есть

Но когда пришли они забирать мать, в прошлом году Автандил крикнул ей: «Деда!» И смутился от неожиданности. Она стояла и плакала, а сын оглядывался на отца...

В прошлом году Автандил окончил школу и стал рабочим. Он пришел на завод химволокна, на склад, который заведует его мать. «У нее со здоровьем неважно», — объяснил он мне застенчиво. — А характер такой, что бросается помогать грузчикам. Я хочу последить... пока. На будущий год в институт буду поступать. Должен поступить. Мама очень хочет!» Здесь же, на заводе, после техникума работает аппаратчиком и старший сын Валентин — Тариз.

Может быть, положено начало династии? Династии химиков Хечондзе.

...Валентина Терентьевна пригласила меня к гостям. День был воскресный, но глава семьи еще не вернулся из рейса: он шофер на международных перевозках. Бабушка волновалась, то и дело выглядывала на лестничную площадку.

— Придется, — усадила ее Валентина Терентьевна и объяснила мне: — Если бы задерживалась на день, дал бы телеграмму.

Иной раз бывает трудно понять, почему эта семья показалась тебе неблагополучной, а вот эта — счастливой. Безусловно, не всегда можно доверять первому впечатлению. Но в доме Хечондзе мне показалось очевидно тепло, добро.

Тариз собрался в кино. «Я беру деньги», — сказал он матери и выдвинул верхний ящик серванта. Туда все члены семьи складывают свои получки. И не приятно, чтобы сыновья расходовали на что-то деньги без ведома старших.

Автандил начал о чем-то пререкаться с бабушкой. Разговор шел по-грузински, я не поняла. Бабушка повернулась ко мне, сказала что-то и захочотала. Валя перевела: «Говорят, и сына ругают и внуков ругают, а с невесткой душа в душу. Может, я какое слово грубое скажу — она не поймет, она скажет — я по-русски не знаю».

Мне хотелось расспросить Валентину Терентьевну о дружбе с Еленой Коциашвили, хотелось понять, что питает эту многолетнюю привязанность друг к другу.

Валентина Терентьевна ответила:

— У меня сколько ученик перебывало — и русских, и украинок, и грузинок. Были очень способные. Но Лену я отличала изо всех. Да не в силе деле, не в ловкости. Она сочувствовала. Она сама к себе придирается больше, чем самий придирчивый начальник... Я ее с девчонок знаю и могу день за днем рассказать, как она становилась рабочим человеком. И вы знаете, я поняла, что для меня очень ценно ее мнение, хотя она и намного моложе. Была однажды тяжелая полоса... Конец года, плавая в лягушками, а людей тогда не хватало. На заводе задерживались, а потом общественных нагрузок сколько: член ревизионной комиссии ЦК партии Грузии, и член горкома партии, и член заводского бюро. Приди домой — валился без сил. На что уж Зураб терпеливый, а тут начал беспокойться. Бросал, говорил, ты этот завод, переходишь, на мою зарплату проживешь. И я уже стала к этим уговорам прислушиваться... Но потом думало: а что же Лена скажет? Почему-то первым делом про нее. Сама-то она, Лена, как вторая девочка у нее родилась, так лишился месяца не посидела дома.

Шла жизнь чередом. В тесноте, правда, жили еще тогда. Это уж потом завод выделил им трехкомнатную квартиру со всеми удобствами. Но ничего, и в тесноте семью наладили дружной. Прежде замечала: любят ребята болтаться где-то без дела, а теперь большие дома, за книжкой. И в школе сменились хвалили.

Попала Валентина в больницу, на операцию. Автандил к отцу пристает: «Пап, а где она?» «Кто она?» «Ну... она». «Не понимаю, о ком ты...»

Рисунок И. УШАКОВА.

ВЛ. ЛИДИН

ПОХОД

Рассказ

Пошли дожди, зарядило и зарядило, и таким угрюмым и ослизлым был конец октября, словно солнце и не поднималось над аспидно-мутной завесой туч, провисших почти до самых крыши высоких домов.

Агриплина Петровна расчесала перед зеркалом свои жидкие волосы, собрала их на затылке в пучок, на осушку закрепила его шпильками, и когда, маленькая и седенькая, вышла на кухню, где в холодном шкафу стояло приспособленное ею с вечера, соседка Зинанда Игнатьевна спросила не то сочувственно, не то иронически:

— Оять в поход собрались, Агриплина Петровна?

— Да ведь нужно, — ответила та кротко.

— Придумали себе заботу, — сказала Зинанда Игнатьевна безжалостно. — Ну, добро бы внуку был — это я понимаю, а то ведь и чужой вовсе, если разобраться.

— Ну как же так — чужой? — сказала Агриплина Петровна. — Манечка ведь тоже горе узнала. Будь Сережемыка жив, она бы с ним была, и сынок или dochka от него были бы. Она тоже приняла горя — дай бог, и разве могу я винить ее, что испугалась она одной оставаться, захотела, хоть и криво получилось, выпрямить свою жизнь? Я винить ее за это не могу.

Она достала из холодного шкафа сковородку со готовленными накануне котлетами, стала складывать их в цelloфановый мешочек, а Зинанда Игнатьевна, высокая и сузя, наблюдала за ней.

Около десети лет назад, исстрадавшись в безвестности, получили Агриплинну Петровну с женой сына извещение, что Сергей Лутовинов, работавший в изыскательской партии, погиб, сорвавшись с кручей где-то возле Текели, а позднее пришло сочувственное письмо из учреждения, в котором он работал...

До своего замужества Маня училась на портнихи, хорошо умела шить, после гибели мужа сразу же поступила работать в ателье женского верхнего платья, и шов за швом строчила машина под ее руками, но и в душе навсегда остался шов. Маня было всего двадцать четырьмя года тогда, и Агриплина Петровна понимала, что жизнь остается жизнью, и если уж так получилось, нужно Мане подумать о своей судьбе; она, мать, недолга, а после всего пережитого со смертью сына, наверно, уж и совсем недолга.

В ателье некоторое время спустя у Мане присвисталась закройщица Аким Семенович Пожаров, хороший специалист по верхнему платью, и некоторые из мастерниц даже позавидовали ей, а Агриплина Петровна сказала тогда:

— Что ж, Манечка, я ведь понимаю, нужно тебе как-нибудь устроить свою жизнь. Я уже на исходе, а Сережку, надеюсь, ты не забудешь никогда.

И Маня вышла замуж за Пожарова.

Но хорошо кроить платье — это одно, а вот суметь скрыть жизнь так, чтобы она не только по мерке была, но чтобы никакой иной жизни и не нужно было, — это совсем другое. Однако жизни для Маны Пожаров не скроили, оказался человеком ненадежным, и трудно досталась Мане ее новая судьба, к пережитому горю привыкалось еще и новое. Год спустя у Маны родился мальчик, она назвала его Сережей, хотя Пожаров хотел дать ему другое имя. К сундуку он оказался равнодушен, а вскоре стало ясно, что никакая семья и не нужна ему, к тому же из ателье за какой-то проступок его уволили, и хоть он и пытался отстоять себя, устроиться в Москве ему не удалось, уехал в город Кимешу, где жила его сестра, прислал Мане глупое письмо: «Я теперь рыболовом заделался, узная в Москве, сколько подвесной письмами хвалился своей рыбачкой удачью».

Рыбы Пожаров не наловил, написал как-то, что Кимеша не по его мастерству, на Волге не одна Кимеша стоит, пощещает другой подходящий для себя город, а там и след его простыл, и можно было уже не сомневаться, что семью Пожаровых бросил.

Искать его Маня не стала, гордость в ней была сильнее обиды, и Агриплина Петровна понимала, что Мане больше не устроиться, да и мало от прежней, свежей ее молодости осталось.

— Что ж теперь делать, Манечка, если уж так получилось, — сказала Агриплина Петровна, — жить нужно, у тебя ребенок, а я не оставил в вас.

Ей все казалось, что пятилетний Сережа походит на ее сына, хотя у Сережи другой отец, но Маня пожелала все-таки, чтобы мальчик носил имя ее первого мужа, значит, не унесло для нее Сережу навсегда...

Конечно, мать остается матерью, и когда Маня рассказала ей в свое время о сватовстве закройщика Пожарова и Агриплина Петровна сама призналась, что Мане нужно как-то устроить свою жизнь, в душе, однако, осталась боль, что под Сережа и отшел в сторону, пришел на его место другой, спросит его бывшую жену: «Моя?», — и она ответит: «Твоё», — а могила Сережи в Текели понемногу зарастет травой для Маны... Но Агриплина Петровна тут же сказала сама себе, что сын все-таки любил Маню, была она его первой любовью, и как же может она, мать, отринуть что, было сыну так дорого?

Вот и идет она в очередной поход, как всегда говорит об этом не то сочувственно, не то иронически соседка Зинанда Игнатьевна, и может быть, без этих походов неполной двери неправильной была бы ее жизнь, а так все-таки правильна: ребенок Маня ведь ни в чем не виноват, наглухая пичуга в разоренном гнезде, а Агриплина Петровна, для него бабушка...

— Я пошла, Зинанда Игнатьевна, — сказала она, — часикам к птице вернусь.

Но Зинанда Игнатьевна, несмотря на свои мужские повадки и грубый голос, сочувствовала ей, сердце у нее было все-таки женское.

— Дети всегда в ответе, хоть и не виноваты ни в чем... Дети всегда в ответе,— сказала она, видимо, вчуже жалея ребенка Мани, хотя никогда и не видела его.

Зинанда Игнатьевна работала прежде брошюровщикей в типографии, теперь была на пенсии, но некоторая искривленность пальцев от долгих лет фальшивок осталась, наверно, навсегда.

Агринипина Петровна положила в свою хозяйственную сумку цепляковский мешочек с котлетами, положила и что-то закутанное в старое детское одеяльце, однако о том, где собирается побывать еще в своем походе, ничего не сказала.

Два года спустя после гибели сына разыскала ее в Москве один незнакомый человек, и совсем маленький, совсем как-то скважиной показалась она сама себе, когда человек этот, худой и длинный, с чернейшей копной волос, появился в ее комнате.

— Бурмистров, — называл он... Вместе с Сергеем из изыскательской партии были... Теперь одно новое mestorozhdenie свинцово-цинковых руд его именем названо, на карте так и обозначено — Сергеево. Вы мать; вам нужно знать об этом.

Она заплакала, а Бурмистров стоял со своими черными, пущенными волосами, и нужно было закинуть голову, чтобы заглянуть ему в лицо. Позднее он рассказал, что случившееся отравило несчастье отразилось и на нем, началось со спазмов желудка, и очки не помогают, а врач-окулист сказал коротко: «Возраст», — и очков посыльнее уже не прописали.

— Я на стол пока накрою, — сказала Агринипина Петровна. — Такой хороший кусок мяса попался. У меня одна знакомая продавщица есть, всегда для меня мясо получше или фарши привозят.

Мания ничего не ответила, только вздохнула, она знала, как трудно старой все это, хоть и храбрится, говорит бодрым голосом, но всегда боишься, когда пробирается она по улицам, и очки не помогают, а врач-окулист сказал коротко: «Возраст», — и очков посыльнее уже не прописали.

— Я на стол пока накрою, — сказала Агринипина Петровна. — У тебя суп какой-нибудь есть?

— На плите стоит, разогреть только.

— Ну и хорошо... и котлеты разогрей.

Она прошла в ее комнату. Сережка сидел за книжкой, уже не только рассматривал картинки, но умел немного читать, и Агринипина Петровна, когда сидел тот за книжкой, особенно казалось, что походит он на ее сына, до боли в сердце походит...

— Сейчас обедать будем, а пока одну книжечку посмотрим с тобой.

Она достала из сумки книжку, которую купила по дороге в газетном киоске, с лягушонком среди кувшинов на обложке.

— Наверно, про царевну-лягушку? — спросил Сережка.

— Может, и про нее.

Читать, однако, было ей трудно, хотя она и вглядывалась сквозь очки, и буквы в книжке были большие, но матер читала бойчее, и Сережка понимал, что бабушка плохо видит.

— Я эту книжку тоже знаю, — сказал он, чтобы она не старалась... — А скоро буду сам читать тебе, хочешь?

— Чего же лучше. Хорошего человека послушать — одно удовольствие.

И Сережка, видимо, остался доволен, что он хороший человек. Мать разогрела обед, сели за стол, руки у Мани были мучнисто-распиренные от стирки.

— Мне сестра Пожарская письмо прислала, — сказала Мания, когда после обеда они с Агринипиной Петровной прошли в кухню.

— Чего же она пишет?

— У Акимы Семеновны пальто хорошее на цигайке осталось, не уступлю ли ее мужу? Оно у меня цело, Агринипина Петровна, отдал его. Так для меня поспокойнее будет.

— Ну и отдан, — сказала Агринипина Петровна, — без цигайки проживем.

У них с Манией уже давно было всеобщее, будь Сережка жив, жили бы вместе, и, наверно, внучок или внучка были бы от него...

— Отдам пальто, — сказала Мания с облегчением. — Напишу — возьмите, и ничего мне не надо за него.

Мтварис КЕРЕСЕЛИДЗЕ

Родилась я...
Но на поле браны
Сколько пело в этот самый миг!

Была радость залита слезами:
Трои братьев матери моей
Пали смертью храбрых...
Их глазами
Яловила свет июльских дней.

Радостью и памятью —
В июле
Я явилась в мир,
Когда была
В облаках луна —
Не потому ли
Мать меня Мтварисой¹ назвала?

Вновь июль... И новые Мтварисы
Входят в мир.
А мать ночной порой,
Глядя на луну в небесной высоте,
Вспоминает год сорок второй...

...Свет струится синий, первозданный —
Он, дитя, в подарок не тебе ль?!
С колыбельной песней «Иванвана»
Матери качают колыбель.

Пусты земля забудет запах гары —
Черный дым не застилает мтварел...

Я родилась в июле

Солнце шило золотом по сини,
Был июль настоян на солнце...
Моему отцу
Рождены сыны
Чудилось в то лето на войне...

«Поздравляю с дочерью...» — писала
Мать ему, не зная наперед,
То письмо сквозь отголоски шквалы
До отца дойдет ли — не дойдет.

Праздничного не было застолья,
Гости не стреляли в высоту,
Дуб молчал, пронзен сердечной болью,
Тишина застыла на посту.

Год сорок второй... Навылет ранен.
Год сорок второй — зловещ и лих.

венней сумкой шла чуть бочком по мокрому, начинавшему леденеть тротуару, вытирая по временам тылом ледони щеки, всегда страшно было при ее плохом зрении переходить улицу, и, случалось, брал ее кто-нибудь под локоток и помогал перейти.

Мания стирала на кухне белье, по понедельникам у нее был выходной день, и всегда этого накаливалось за неделю.

— Вот и я, — сказала Агринипина Петровна бодро.

Мания сгубом локтя поправила волосы на лбу, скинула с рук мыльную пену, и больно было видеть, что ни одной прежней краски не осталось на ее лице.

— Колеток вчера наготовила, — сказала Агринипина Петровна. — Такой хороший кусок мяса попался. У меня одна знакомая продавщица есть, всегда для меня мясо получше или фарши привозят.

Мания ничего не ответила, только вздохнула, она знала, как трудно старой все это, хоть и храбрится, говорит бодрым голосом, но всегда боишься, когда пробирается она по улицам, и очки не помогают, а врач-окулист сказал коротко: «Возраст», — и очков посыльнее уже не прописали.

— Я на стол пока накрою, — сказала Агринипина Петровна. — У тебя суп какой-нибудь есть?

— На плите стоит, разогреть только.

— Ну и хорошо... и котлеты разогрей.

Она прошла в ее комнату. Сережка сидел за книжкой, уже не только рассматривал картинки, но умел немного читать, и Агринипина Петровна, когда сидел тот за книжкой, особенно казалось, что походит он на ее сына, до боли в сердце походит...

— Сейчас обедать будем, а пока одну книжечку посмотрим с тобой.

Она достала из сумки книжку, которую купила по дороге в газетном киоске, с лягушонком среди кувшинов на обложке.

— Наверно, про царевну-лягушку? — спросил Сережка.

— Может, и про нее.

Читать, однако, было ей трудно, хотя она и вглядывалась сквозь очки, и буквы в книжке были большие, но матер читала бойчее, и Сережка понимал, что бабушка плохо видит.

— Я эту книжку тоже знаю, — сказал он, чтобы она не старалась... — А скоро буду сам читать тебе, хочешь?

— Чего же лучше. Хорошего человека послушать — одно удовольствие.

И Сережка, видимо, остался доволен, что он хороший человек. Мать разогрела обед, сели за стол, руки у Мани были мучнисто-распиренные от стирки.

— Мне сестра Пожарская письмо прислала, — сказала Мания, когда после обеда они с Агринипиной Петровной прошли в кухню.

— Чего же она пишет?

— У Акимы Семеновны пальто хорошее на цигайке осталось, не уступлю ли ее мужу? Оно у меня цело, Агринипина Петровна, отдал его. Так для меня поспокойнее будет.

— Ну и отдан, — сказала Агринипина Петровна, — без цигайки проживем.

У них с Манией уже давно было всеобщее, будь Сережка жив, жили бы вместе, и, наверно, внучок или внучка были бы от него...

— Отдам пальто, — сказала Мания с облегчением. — Напишу — возьмите, и ничего мне не надо за него.

Агринипина Петровна постояла еще возле Мани, посмотрела, как она стирает, сказала:

— Штаныши-то у Сережи прохудились совсем. Куплю при случае новые.

— Еще и этим обременять вас, Агринипина Петровна... хоть и понимаю все, но не могу я так.

— Значит, не понимаешь, — сказала Агринипина Петровна. — А Сережа книги уже хорошо читает. Пускай, сам будет читать мне со временем, учит слабое мое зрение... Что ж, мне поддержка нужна будет.

Она не признавалась, однако, что поддержка уже давно нужна ей, что старость уже давно поступала в окно...

— Ты супу на завтра не готовь, — сказала она, — я два пакета диетического молочного купила, такой хороший суп. Сережа молочный суп любит, я его вкусу уже знаю.

— Мне в детском сад помогли его устроить. С первого ноября пойдет. Далековато только... правда, станция метро рядом, да ведь отвезти и привезти нужно, уж и не знаю, как получится.

— Отвезем, — сказала Агринипина Петровна. — Ему в детском саду хорошо будет, в через два года и в школу пойдет.

— Наверно, Мане и самой казалось, что растет сын Сергея, — сказала Агринипина Петровна, — не под силу вам уже заниматься нами. Конечно, благодарность вам вечная, что не отвернулись от меня в свое время, но такое было на душе тогда, что и за соломинку хватился.

— Я знаю, — сказала Агринипина Петровна. — Ты Сережу любила, я знаю...

Она вернулась в комнату Мани, а Мания продолжала стирать, и слезы капали на мыльную пену в корыте.

— Послезавтра в детский сад пойдет, Сереженька, — сказала Агринипина Петровна. — Сядем мы с тобой в поезд метро, четыре остановки только, и обо всем-то переговорим по дороге.

Она положила ему руку на голову, и хотя волосы у него были черные, а у сына — светлые, золотистые, все-таки Сережа чём-то походил на него, и казалось: может быть, есть такая неразгаданная тайна — если женщины любили какого-нибудь человека, то и ребенок походит на него, даже если это ребенок от другого.

— Завтра молочный супок покормлю тебя, — сказала она. — В детском саду тоже хорошо кормят, и дружков хороших найдешь, а дома ты все один да один, мать целый день на работе, а со мной скучно тебе, бабушка старенькая, ей самой в пору книжки слушать.

— Я скоро хорошо научусь читать, — пообещала он.

И они расстались до завтра, а Мания, прощааясь, стряхнула мыльную пену с рук, наскоро вытерла их и обняла ее за шею еще сырьими руками.

— Так что супу на завтра не готовь, — напомнила Агринипина Петровна, — а котлет хватит, только не забудь сковородку за окно выставить. Нынче зимой уже пахнет, наверно, вскорости и придет.

— Вы поосторожнее все-таки, Агринипина Петровна, — сказала Мания. — Всегда бояться за нас.

— Чего же за меня бояться? У меня две ноги, и обе целые, — ответила Агринипина Петровна бодро.

На улице, однако, ветер сразу же согнул ее, стал выжимать

слезы из глаз, и она шла с мокрым лицом, уже совсем плохо видя сквозь слезы.

Дом, в котором жил Бурмистров, был большой, с лифтом, неспешно проплывшим за стянутыми дверями на площадках, но лифт Агринипина Петровна боялась, поднявшись, осторожно наступала ступеньки, на четвертый этаж и постояла на площадке, чтобы отдохнуть. Потом она позвонила в звонок против дочечки и с фамилией Бурмистрова, он открыл ей дверь, сразу заслонил собой и без того слабый свет в передней, и при日报社кину голову, чтобы заглянуть ему в лицо. По понедельникам и у Бурмистрова был выходной день, но он всегда и дома мастерил что-то.

Агринипина Петровна достала из своей сумки завернутую в детскую одеяльце кастрюльку, сказала: «Овсяная, любимая ваша», — в комнате Бурмистрова лежала на верстаке какое-то детали.

— Мне к прадедушке жизни привыкать надо, — сказала Бурмистров как-то совсем грустно. — А вы меня к чужой заботе привыкайте.

Он стоял высокий и суровый, почти касаясь своими черными, пущенными волосами потолка, и должно быть, совсем маленькой, как мышка, казалась она ему.

— Мы с вами, Устин Аристархович, раз навсегда условились: не поднимайтесь никого этого разговора... Неужели ничегоницко не понимаете?

Она хотела сказать ему, что на нем как бы отстав ее сына, и пусть только отстав, но и этого уже достаточно, чтобы стал близок тот, на ком есть этот отстав. Она знает, как трудно ему, привыкшему бродить в горах, сгибаться сейчас над верстаком в мастерской... И если она хотя немножко может облегчить ему, чей же руке еще довериться, как не ее руке?

— Ладно, — сказал Бурмистров, — не будь об этом, но про другое скажу. — Наверно, в эту минуту у него заболело внутри, и он прижал обе руки к своему больному желудку. — Один сын у вас погиб, ничего с этим не поделаешь, а другой жив пока, будем считать так.

— Что ж, слава богу, что хоть вы живой осталась, — ответила она, словно он сказал лишь о том, что сам и сама она думала.

Она положила детское одеяльце в сумку, а кастрюльку с кафешкой оставила, дома была другая на смену, и Бурмистров вышел проводить ее и смотрел ей вслед, как наступала ступени, она спускалась по лестнице.

Октябрь уже совсем круто уступал место ноябрю, через недельку-другую ударят, наверно, мороз, а там и заболят все...

Зинанда Игнатьевна была на кухне, сразу же спросила:

— Ну как поход? Что еще завоевали?

— А у меня уже все есть, — ответила Агринипина Петровна. — Мне завоевывать нечего.

Она еще минуту постояла на кухне, давая стечь слезам из схваченных холодом глаз, помотала головой, чтобы они быстрее скатились, и с мокрыми щеками прошла в свою комнату.

— Чай будите пить? — крикнула минуту спустя Зинанда Игнатьевна.

Она не сказала, что уже дважды подогревала его, в такую погоду лучше всего сразу же крепкого чаю, даже такому испытному полководцу лучше всего сразу же крепкого чаю после его похода...

Анна КАЛАНДАДЕ

* * *

Этот белый, белый путь весны
Начался среди далеких звезд.
В сказочной коляске с высокими
Флора, вся в цветах, поднявшись

в рост,

Вниз спешит.
И синие кудаки —
Словно в пепле: призрачно легки.
Солнце, льющееся с высоты,
Для цветенья будет ветерки...
Но зачем будят? Они не спят:
Затем дыхание, следят,
Как с недосягаемых высот
Флора нам тепло и жизнь несет...

Перевела с грузинского
Елена Николаевская.

Мысли о тебе я трепетно несла,
Как первую фиалку в день погожий...
Не энзи ни покоя и ни сча.
На ожиданье я была похожа.

Даря тебе апрель, с небес дождем
Стремительным пришла я к травам
ранним —

Их наполни, и разбудите твой дом,
И оживите твои сад и виноградники...

Не пожелала я с собой нести
Ни подозрения, ни своих невзгоды.

Я — верность, ожиданье во плоти,
Весна — я побеждаю непогоду!

Дождь — превратиться я могу в слезу,
Слезою на ресницах дрогнуть чистой...

В конце концов, сквозь ветер и грозу
Твое дыханье до меня домчится!
И, наконец-то, после всех тревог
От всяких звуков отключась, сквозь

тиши я
Твое дыханье слышу лишь, твой вздох,
Всю радость бытия в себя вместишь.
И вот, когда мы вновь наедине,
И слушаешь меня ты — весь вниманье...
Вновь ожиданье зреет в тишине,
Вновь ожиданье... Снова — ожиданье...

Рисунок Б. ПОЛЯНСКОГО.

Наша информация

Собрались новаторы

Недавно в Ростове-на-Дону прошло областное совещание женщин — изобретателей, рационализаторов и новаторов производства. Многие из его участниц прославлены на всю страну. Труженицы завода «Ростсельмаш», таганрогские комбайностроители внесли немало ценного в усовершенствование новых высокопроизводительных комбайнов — «Нива» и «Колос». Эти машины очень помогут сельскому хозяйству.

На коммерческих заводах страны хорошо знают Нину Ивановну Полянинову, заместителя начальника научно-исследовательской лаборатории Таганрогского кожевенного завода. Девять ее изобре-

тений нашли широкое применение.

Механизатор совхоза «Ново-Мартыновский» Герой Социалистического Труда Евдокия Авдитиловна Кирнова так любила технику, что даже после ее использования что трактор, на котором она работала одиннадцать лет, ни разу не был в капитальном ремонте.

Участники совещания рассказывали о передовых методах труда и разработке новых технологий и производственных процессов, которые они помогают осваивать и внедрять у себя на производстве.

Трудящиеся Ростовской области решили в течение пяти лет создать 250illion-лионный фонд экономии за счет рационализаторских предложений. И женщины-новаторы обсуждали, как лучше выполнить это решение.

Л. КРАСНЫЙ

СЕМЯ ПИЛОТОВ

Двадцать лет работает в Сочинском аэропорту Калерия Носифовна Цис. Сегодня она диспетчер местных воздушных линий, ее участок — взлетно-посадочный поле. С десантчиками, вертолетами, самолетами диспетчер, а пилоты получают через него всю ин-

формацию, необходимую для полета.

В годы войны Калерия Носифовна сама водила самолеты от бывшего летчика Тамарского аэроклуба. Военным летчиком был и ее муж Михаил Федорович Цис. Их сын, пилот грандской авиации Александр Цис, работает на Крайнем Севере.

На снимке: К. И. Цис.
Фото О. Андреева.

ПОД МОСКОВЬЮ И НА ДАЛЬНЕМ СЕВЕРЕ

В городе Зарядье, Московской области, расположился новый субботний клуб. Создан он при районном Доме культуры и назван «Для вас, женщины». В плане работы клуба — встречи с известными антерами, стилистами, композиторами, поэтами, художниками, врачами, педагогами, юристами, работниками сферы обслуживания. Начемены интересные подиумы по историческим темам. Подмосковные, посещение театров и концертных

золов, тематические вечера вопросов и ответов.

На первом же вечере клуба выступили бывшие воины, участники битвы за Москву. Закончился вечер большим концертом самодеятельности. Женский клуб — устроители вече- ринки называли его «Нежность» — проводится в поселке Усть-Таскино, Марийской области. За чашкой чая здесь состоялся первый разговор о роли женщины в хозяйственном и культурном строительстве края. Затем состоялась встреча познакомившись с новыми моделями одежды и посмотрев концерт художественной самодеятельности.

Н. СЕМЕНОВ

ВЫСШАЯ ПОХВАЛА

Сейчас я на пенсии, но с коллективом Дорожной детской больницы, где проходил практика, связана терпкая. Как-то пришла туда в самый обычный день, а попала на праздник. Уже на пороге встретили меня сообщением:

Лидию Николаевну, орденоносную медальщицу!

В тот день и последующие дни нашему начальнику Лидии Николаевне Глебовой спали телеграммы, вручили цветы и коллеги, и родители «подопечных» ее детей, и сами дети. Поздравляли с торжеством другие люди, которых она, может быть, и не помнит, но которые благородно вспоминают ее, бывшего капитана медицинской службы: не сосчитать, сколько разных людей, вспомнивших ее вернувшись в строй хирурга Глебова, скольким спасла жизнь. И сама была благодарна. Фронтовые заслуги Лидии Николаевне Глебовой, считая ее самой высшей похвалой.

А. НИКАНОРОВА
г. Днепропетровск.

На снимке: Л. Н. Глебова.

КОМИССИЯ ПРИСТУПИЛА К РАБОТЕ

При ЦК профсоюза работников лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности создана комиссия по работе среди женщин председателя комиссии — Елены Михайловна Петуховская (Балахнинский бумажный комбинат).

Недавно члены комиссии побывали в Ленинграде на семинаре. Здесь были представительницы предприятий Архангельска и Краснодара,

Киева и Костромы, Сызрани и Балахни и многих других мест, где трудятся бумагарии, мыльщики и деревообрабатывающие.

С большим интересом участницы семинара прослушали лекции о новых законоположениях, насчитывающих женщины-работницы и особенно работницы-матери, о мерах по охране здоровья женщин и подростков, воспитательной работе среди молодежи. Рассмотрен и утвержден перспективный план работы комиссии. Участники семинара поделились опытом работы среди женщин своих коллективов.

И. НИКОЛЬСКАЯ,
член комиссии по работе среди женщин ЦК профсоюза

На экране Миша Защишин

Перед вами кадр из фильма «Малыш и Карлсон». Не напоминает ли вам лицо мальчика — исполнителя роли Малыша — другое, давно знакомое детское лицо, не раз проговорившее на вас с экрана?

Вспомните военные годы. В кинотеатрах шел фильм об осажденном Ленинграде «Жила-была девочка», в нем впервые снялась четырехлетняя Наташа Защишина, исполнившая потом главные роли в фильмах «Слон и воровочка», «Первонлассница», «Дети партизана». Ныне Наталья Александровна Защишина — актриса Московского театра — кукол. Ее фотографии увидят на экране шестилетнего сына Натальи Защишиной — Миши. Он дебютирует в полнометражном фильме, поставленном режиссером В. Плаученком по книге шведской писательницы Йонной Линдгрен «Малыш и Карлсон», который живет на крыше. Режиссер доволен юным исполнителем.

М. НАЗАРОВА

В ЛЕСНОЙ ТИШИНЕ

И медики и педагоги забыли о том, как найти для ребят счастливое сочетание здоровье, 607-я московская школа предлагает свой путь, выверенный многими годами практики.

Директор школы И. Б. ПИРАТИНСКИЙ:

— Сорок минут езды автобусом — и вот оно, наше Чиверево. Около двадцати лет назад на Кильянминском водохранилище было наше подсобное хозяйство. Поле с морковью, картошкой, редисом, на котором ученики проходили сельскохозяйственную практику. Позже возникла мысль: почему бы не использовать прекрасную природу.

РЕБЯТА:

— В Чивереве хорошо, потому что рядом друзья.
— В Чивереве нас катает в санях лошадка Орлик.

на основу здесь свою постоянную оздоровительную базу?

Три одноэтажных дома приспособлены под столовую, жилую комнату, класс. Отныне в Чивереве постоянно может находиться одна из начальных классов. Ребята приезжают сюда на месяц вместе со своей учительницей. Расписание совсем иное, чем в городе. Перемены между уроками удлинились до 20 минут. Утром дети занимаются физкультурой с преподавателями, к которому они привыкли, и вези ребята. Остальное охотно следят родители. Они быстро поймут, какую пользу приносит ребятам месяц, проведенный за городом, на свежем воздухе.

Л. КАШУБСКАЯ

«ДРУЖБА»

Звучит барабан, то раздольно, то ширко, то грустно, не торопливо. Плынут по сцене девушки медленно, величаво. Вот они разодеты в костюмы, в которых весят свернувшись в руках на их шелковых платочках, и вспыхнул русский перепляс.

Народный ансамбль танца Дома культуры «Дружба» — коллектива из девятидесятибалльной фирмы по правде считается лучшим в городе. Он неоднократно занимал ведущие места в краевых и областных смотрах самодеятельных коллективов.

На снимке: Люда Торунакова.

О. АНДРЕЕВ

Вопрос о питании ребят и об обслуживании решают родители. Те, кто свободны, дежурят в Чивереве. Официантами сажали сад, сами выращивают, сами убирают урожай.

Учителяница В. П. РАЗМАХОВА:

— Половина наших ребят учатся на четверки и пятерки. И тут заслуживает заслуженный, здоровый, жизнерадостный ребебон легче справляется с программой. Мы, учителя, любим Чиверево. И сам на брешешь сил, побродишь с детьми по лесам, на лыжах, и класс учишься гораздо лучше, с отношениями: лучше, веселее иниче: день и ночь вместе.

РЕБЯТА:

— В Чивереве хорошо, потому что рядом друзья.
— В Чивереве нас катает в санях лошадка Орлик.

КРАМАТОРСКИЕ «КОСМОНАВТЫ»

Дорогая редакция!

В 1984 году в десятом номере «Радио» была опубликована заметка о том, что в семье супругов Андреевых, мальчиков Юрий, Андриан, Павликом, Уздан об этом космонавты сердечно поздравили родителей, пожелали здоровья малышам. Следом за близнецами появился в печати и посыпалась подтверждения со всех концов страны, из-за рубежа. До сих пор в семейном альбоме хранится привет от письмеников, посыпаных из Голландии. Поздравил Андреевых Президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин.

Между тем заводские друзья не теряли времени даром. Для них «космонавты» подсыпали кинно. Она помогла матери, пока детей не устроили в ясли. Вскоре Андреевым предложили просторную квартиру. Завод помог купить мебель, а родители купили одежду для близнециков. Близнецам было дано имя — Юрий и Павел. А Андреевы оказались семьями Андреевых. Из общественных средств выделили деньги: добровольные помощники приходили помочь по хозяйству, привозили с машинами, отмечали их в детскую консультацию.

Прежде всего я вернулся и событию семилетней давности — рождению четырех близнециков. Весь коллектив завода тогда волновался и радовался за Андреевых. Близнецы, некоторые сочтавшие себя «ребенком».

Да, немало трудностей предстояло преодолеть. у Андреевых маленькая квартира, матери придется оставить работу. Мать с новорожденными еще лежала в

Сюда несут в ремонт домашние вещи, здесь шьют пластины. Открыты склады с мороженым, хлебом — покупателям сажают сад, сами выращивают, сами убирают урожай. От нечестивых жителей не придется ждать исполнения заказов нескользко дней: вещи будут готовы через сорок минут.

Н. ЖУРАВСКАЯ

В ПРАГЕ ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА — «ЖИЗНЬ РДОМ С ФУЧИКОМ». ЕЕ АВТОР — ГУСТА ФУЧИКОВА, ЖЕНА И СОРАТНИЦА ЛЕГЕНДАРНОГО ЮЛИУСА.

В ОТРЫВКЕ ИЗ КНИГИ, КОТОРЫЙ МЫ СЕГОДНЯ ПЕЧАТАЕМ, РЕЧЬ ИДЕТ О ПЕРВОМ ПРИЕЗДЕ ЮЛИУСА ФУ-

ЧИКА В СССР. ОН, ТОГДАШНИЙ РЕДАКТОР КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ «ТВОРБА», ПРИБЫЛ С РАБОЧЕЙ ДЕЛЕГАЦИЕЙ В ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЮ КОММУНУ «ИНТЕРХЕЛЬПО» («ВЗАЙМИНА ПОМОЩЬ»), СОЗДАННУЮ ЧЕХОСЛОВАЦКИМИ ЭМИГРАНТАМИ В КИРГИЗИИ.

II уть делегации можно точно проследить по записям Юлиуса.

14 мая 1930 года они поднялись в

Гамбурге на палубу советского корабля, который вез в СССР станки.

Через четыре дня они были в Ленинграде, а оттуда отправились в Москву. 20 мая Юлиус написал мне своим телеграфным стилем: «Мы очень воодушевлены. Москва — великий город. Ленинград — целиком город рабочий. Они еще бедны, но работают на свое благо!»

Он хотел узнать как можно больше, чтобы дома суметь и писать и рассказывать о Советской стране. Конечно, он не чувствовал себя там туристом, его обязанности делегата были весьма сложными. Ему претило туристическое, поверхностное разглядывание мира. Он всегда, где только мог, старался во всех подробностях познакомиться с многосторонностью и сложностью реальной жизни...

После пятидневного пребывания в Москве делегация отправилась в Рязань, а затем через Сызрань, Самару, Оренбург, Илек — последняя железнодорожная станция в Европе — прибыла в Среднюю Азию. Дорога поездом от Москвы до Фрунзе, где располагалась коммуна «Интерхельп», заняла целую неделю. Но Юлиусу в поезде было совсем не скучно. Все для него было таким новым, необычным, до сих пор невиданным. Он познакомился с геологом, который обнаружил нефть в среднеазиатской пустыне, в местах, где во времена царской России проводили изыскательские работы англичане. Рассказ инженера был таким неизвестным, тем более что он вез с собой бутылочку найденной им нефти, что Юлиус записал его, а позднее внес в свою книжку о СССР. Возле Аральского моря он познакомился с казахской-комсомолкой. Ее небольшая жизнь для него, гостя из Европы, была совсем необычной и драматической, но для среднеазиатских условий, с которыми он скоро познакомился, в ней не было ничего исключительного. После возвращения в Чехословакию один из первых его репортажей был как раз об этом комсомолке из Кзыл-Орды.

Они приехали во Фрунзе только 31 мая 1930 года. Жители города и его окрестностей как будто встретили делегацию, будто они встречали главу государства, а не простых рабочих и редактора коммунистической газеты. «Советская Киргизия» выделила описание этой встречи целую страницу. В номере от 1 июня громадными буквами на чешском языке было написано: «Братский привет делегации чехословацкого пролетариата». Журналисты писали о том, как торжественно был удержан Фрунзе, как вдоль улиц густыми шпалерами стояли люди, как развесились знамена и играла музыка. Не встречу пришло все «Интерхельпы»: мужчины, женщины, дети, пришли жеизнендорожники, представители партийных и общественных организаций.

Юлиус Фучик с женой Густой, 1930 год.

Три недели, можно сказать, и днем и ночью — времени на сон оставалось совсем немного, — члены делегации изучали жизнь пятнадцати народностей, населявших тогда Киргизию, и дело социализма, который они строили. А это была и упорная борьба с неграмотностью, и жестокий бой против насилиственной выдачи замуж; что еще нередко можно встретить и сейчас во многих странах Востока, и смелое строительство новых предприятий, и то, что рабочими становились бывшие кочевники, и многое другое. Собственными глазами делегаты прослеживали путь Киргизской Советской Социалистической Республики от феодализма к социализму.

В первые же дни по приезде делегации во Фрунзе исполном городского Совета обнял всех четырех почетных депутатов Совета. Юлиус, поблагодарив за высокую честь, сказал от имени делегации, что они рассчитывают это как приказ активно участвовать в революционных боях.

11 июня я писала Юлиусу: «Пульзенъ... «Папа и мама, я чувствую себя здесь великолепно. Ему за четвертым, в чем я ощущаю никакого различия между Средней Азией и средней Европой. Но климат здесь несколько иной. Сегодня было 46 градусов. Естественно, и я загорел сегодня. Но это не удивляет, потому что я давно в Киргизии. Прожив и так еще месяцы, и даже спасибо не отличит меня от киргиза. Я чувствую себя совершенно счастливым. Принимают нас дружески. Мы здесь уже четырнадцать дней, будем еще пять, чтобы начали считать, что и эти дни будут совершенно достаточны. Но нас отсюда не хотят выпускать, да и нам уезжать не хочется...»

Мне он послал две открытки и несколько небесно-голубых горных цветков, которые не утратили своей живой окраски и спустя десятилетия.

«Привет тебе, путешественница, так любящая лазить по горам, а я сейчас постоянно на высоте 3 000 метров и даже выше. Испытываю истинное тепло небольшого чудесного холмика, которого называют Кирконоши. Сейчас я и еще выше, на высоте 4 600 метров, но дальше уже не могу: солнце садится, и я должен спуститься обратно — туда, где ждет меня аистовая птица нашей делегации. Сейчас я совсем один, и я не знаю, что делать. Я вижу киргизские юрты, где нас несколько часов назад так прекрасно угостили. Девочка, никогда я не ощущал себя таким свободным, но и таким глупым, как сейчас. Поэтому глупо, что я не уговариваю вас все-таки приехать ко мне в СССР, я просто лучше, чем я мог предполагать. Всем от меня привет. И передай: все, что я вижу здесь, стоит того, чтобы сражаться за это у нас».

Природа по отношению к Юлиусу не была скучной. У него, как говорил об этом наш замечательный художник Шабинский, было истинно античное лицо. С первого же взгляда он вызывал симпатию, а это уже больше чем поплыту к доверию. Есть люди, которых, встретив, вы даже не заметите, потому что никто в них не привлечет вашего внимания. Такой человек — сплошное равнодушие, да и к себе не может вызвать ничего, кроме равнодушия. Есть и иные, всегда настолько мрачные, что, не зная их, легче всего от них отвернуться. Есть и не-

ЗА ЭТО СТОИТ СРАЖАТЬСЯ

обыкновенно хорошие люди, но все-таки их внутренняя красота и благородство остаются скрытыми для чужого взгляда. И есть люди, которые своей привлекательностью и добрым взглядом всех к себе буквально притягивают. Вот таким и был Юлиус. Словно он всегда носил с собой хорошую улыбку. Он легко сходился с людьми, и всякие преграды между ним и его новыми знакомыми быстро исчезали. Ему ничего не стоило быстро приспособиться к иным, непривычным для него условиям жизни. Так и в Средней Азии он сразу сблизился с киргизами, узбеками, казахами, туркменами, привык сидеть на земле, как принято на Востоке, скрестив ноги, и, согласно местным правилам, есть руками жирный плов. Он полюбил чай — чай-кок-чай, который в Средней Азии пьют так же часто, как у нас черный кофе (а летом еще чаще), носил на голове среднеазиатскую тюбетейку, как носят ее местные уроженцы.

Юлиус не мог надеяться на среднеазиатскую природу в самый лучший ее период — в начале лета: на горы, поросшие пальмами и выглядевшие от этого алыми коврами, на склоны, сплошь покрытые синими цветами, будто туда опустилось небо, на пешиющиеся потоки с холодной, прозрачной водой, на долину с рябкой рекой, несущей с гор ил, на голые, без единого кустика, откосы, обращенные к северу, на травянистые склоны, обращенные к востоку, с раскинутыми на них белыми юртами и пасущимися стадами скота.

У него был дядя рассказчика, и когда он рассказывал мне обо всем этом, я словно путешествовала вместе с ним по Средней Азии и видела все, что видел он. Когда через много-много лет я проезжала долиной реки Чу из Фрунзе в Рыбачье в Киргизию, мне казалось, что я здесь уже когда-то была: такой знакомой казалась мне и эта река и эта долина.

...Он был тогда двадцатисемилетним, совсем молодым человеком. Радовался, что не отставал от киргизов, брода по горам. Когда я с ним в первый раз поднялась на Кирконоши, он почти танцевальным шагом поднялся на вершину и воодушевленно смотрел оттуда вниз, на долину, — туда, где работали люди, текла река, и мир для нас был прекрасен.

Любознательность Юлиуса была неимоверная, как сама жизнь. Он высматривал людей об их судьбах, знакомился с их обычаями, узнавал биографии среднеазиатских женщин. Его интересовали легенды и сказки, киргизские народные песни и игра на народных инструментах. Одну песню он даже выучил наизусть по-киргизски. Киргизский язык довольно труден по произношению, и Юлиусу он не давался, но песню он выучил, и она ее своеобразную, тягучую мелодию. Он знал киргизскую азбуку и помнил многие киргизские слова.

В Киргизии у делегации было много встреч и бесед. В редакции журнала «Советская Киргизия» Юлиус сказал: «Мы были в Москве и Ленинграде и видели такие великолепные успехи, что я даже опасаюсь, как бы товарищи из нашей делегации ошиб-

рягали, дающие тень, яблони и цветы. Пить из аршина не такое уж приятное удовольствие, и если уж придется пойти на это, то надо это делать в солнечные дни, необходимые для размножения в тебе тифозных микробов. И все же человек, который хотя бы однажды пересел Советскую Среднюю Азию, влюбляется в нее так же, Большой, такой сильной любовью, что ему хочется возвращаться в нее снова и снова. И вода, люди обладают подобной колдовской мощью, силой их рук — вот что на тебя так воздействует».

25 июня 1930 года «Советская Киргизия» напечатала прощальное обращение Юлиуса к трудящимся республики:

«Всем товарищам, строящим Социалистическую Киргизию, всем товарищам, предоставившим нам возможность познакомиться с ее великими достижениями, всем, кто уделил нам столько внимания, мы, расставаясь с вами, шлем свой братский привет».

Разные лица, разные глаза, различные языки у рабочих Киргизии; но одна и та же, пролетарская кровь течет в их жилах, одна воля объединяет их всех. А это великая сила. И частью этой силы мы передали ее пролетариату Западной Европы.

В СССР выходил по редакции Луначарского (заместителем его был венгерский писатель Бела Иллеш) журнал «Вестник иностранных литераторов», который в 1930 году провел анкету: «Какова будет ваша позиция в случае, если империалисты развязут войну против Советского Союза?» На этот вопрос отвечали многие прогрессивные писатели Запада: Бернард Шоу на вопрос анкеты заполнил анкету: «Вероятно, меня повесят. Кроме него, из известных писателей и художников на вопрос анкеты ответили Бела Голусори, Эдди Колвиц, Стефан Цвейг, Курт Тухольски, Шарль Вильдарт, Мартин Андерсен Нексе, Жан-Ришар Блок, Иоганнес Бехер, Бруно Ясницкий, Эгон Эрвин Киш, Иван Ольбрахт, Теодор Драйзер, Элтон Синклер, Ф. Г. Вайсвиль, Анна Зегерс, Петр Илемнинский. Ответил и Юлиус, он написал:

Юлиус ФУЧИК.
Фрунзе, 18 июня 1930 г.»

После трехнедельного пребывания в Советской Киргизии, где они прибрели богатый опыт и незабываемые дружеские, делегаты снова отправились в путь, но не домой, а в другую республику — Казахстан, в ее столицу Алма-Ату.

Алма-Ата понравилась Юлиусу своей стройностью, своим обширными парками и университетом. Здесь у него состоялся интересный разговор с начальником Туркестана — Туркестано-Сибирской железной дороги, которая тогда еще только строилась.

22 июня у него неожиданно поднялась высокая температура, начался сильный озноб. Юлиус не мог понять, что с ним. Он думал, что это какое-то минутное недомогание, которое быстро пройдет. Но следующий день в час ночи делегация через Туркестан отправилась в Ташкент, куда и прибыла через два дня, 25 июня, в 8 часов утра. Непонятное недомогание так вышло Юлиуса, что в Ташкент он слег. Незаконный, какой-то старческий, рассказывающийся почек, каким он писал в эти дни в записной книжке, сидел на тракторе. Я вижу, как в условиях диктатуры пролетариата расцветает богатая, но отсталая Средняя Азия. И здесь, лучше чем где-либо, я вижу, что наши товарищи, наши друзья, могут принести народам Киргизии, Казахстана, народам СССР, что заложил, а мужика на трактор. Я вижу, как в условиях диктатуры пролетариата расцветает богатая, но отсталая Средняя Азия. И здесь, лучше чем где-либо, я вижу, что наши товарищи, наши друзья, могут принести народам Киргизии, Казахстана, народам СССР, что заложил, а мужика на трактор. Я вижу, как в условиях диктатуры пролетариата расцветает богатая, но отсталая Средняя Азия. И здесь, лучше чем где-либо, я вижу, что наши товарищи, наши друзья, могут принести народам Киргизии, Казахстана, народам СССР, что заложил, а мужика на трактор.

Потом записная книжка снова ожила, буквовка в ней становится возле буквовки, слово возле слова...

«Есть в Риме колодец, обладающий великой силой. Стоит только налить из него воды, и сразу же влюбишься в Рим глубокой любовью и будешь возвращаться к нему снова и снова. Там говорят любящие легенды.

Я не знаю, о каком из архивов в Средней Азии можно рассказать подобную легенду. В редакции журнала «Советская Киргизия» Юлиус сказал: «Мы были в Москве и Ленинграде и видели такие великолепные успехи, что я даже опасаюсь, как бы товарищи из нашей делегации ошиб-

рягали, дающие тень, яблони и цветы. Пить из аршина не такое уж приятное удовольствие, и если уж придется пойти на это, то надо это делать в солнечные дни, необходимые для размножения в тебе тифозных микробов. И все же человек, который хотя бы однажды пересел Советскую Среднюю Азию, влюбляется в нее так же, Большой, такой сильной любовью, что ему хочется возвращаться в нее снова и снова. И вода, люди обладают подобной колдовской мощью, силой их рук — вот что на тебя так воздействует».

Так писал Юлиус после своего посещения Средней Азии в статье «Среднеазиатская эпопея».

Чехословацкая делегация путешествовала по Средней Азии 36 дней. 5 июля делегация выехала в Самару и побывала еще в Сталинграде, Ростове-на-Дону, посетила Шахты, Харьков, детскую коммуну имени Дзержинского, а затем Москву, Ленинград и Петергоф.

В СССР выходил по редакции Луначарского (заместителем его был венгерский писатель Бела Иллеш) журнал «Вестник иностранных литераторов», который в 1930 году провел анкету: «Какова будет ваша позиция в случае, если империалисты развязут войну против Советского Союза?» На этот вопрос отвечали многие прогрессивные писатели Запада: Бернард Шоу на вопрос анкеты заполнил анкету: «Вероятно, меня повесят. Кроме него, из известных писателей и художников на вопрос анкеты ответили Бела Голусори, Эдди Колвиц, Стефан Цвейг, Курт Тухольски, Шарль Вильдарт, Мартин Андерсен Нексе, Жан-Ришар Блок, Иоганнес Бехер, Бруно Ясницкий, Эгон Эрвин Киш, Иван Ольбрахт, Теодор Драйзер, Элтон Синклер, Ф. Г. Вайсвиль, Анна Зегерс, Петр Илемнинский. Ответил и Юлиус, он написал:

«Через двадцать четыре часа после начала войны я должен был явиться го- вором и отправиться на фронт на учебный полигон Бранденбург-Кадзак. Но я говорю иначе. (был бы должен), потому что я член Чехословацкой коммунистической партии и не могу поручиться чехословацкому министерству национальной «обороны», что его желания будут совпадать с моими».

«Но все-таки, кроме этого, я бы хотел сказать еще вот что.

Находясь сейчас в СССР, я собственными глазами вижу силу пролетарского энтузиазма. Я вижу гигантское строительство, строительство социализма. Вижу, как в условиях диктатуры пролетариата расцветает богатая, но отсталая Средняя Азия. И здесь, лучше чем где-либо, я вижу, что наши товарищи, наши друзья, могут принести народам Киргизии, Казахстана, народам СССР, что заложил, а мужика на трактор. Я вижу, как в условиях диктатуры пролетариата расцветает богатая, но отсталая Средняя Азия. И здесь, лучше чем где-либо, я вижу, что наши товарищи, наши друзья, могут принести народам Киргизии, Казахстана, народам СССР, что заложил, а мужика на трактор.

И вот наступило для делегации время проприации с Советским Союзом. Она отбыла парадом в Щецин, оттуда поездом до Берлина. Чехословацкую границу делегаты пересекли тайно. Юлиус переходил границу, одетый в летнюю краснорамскую форму. Белую полотняную фуражку с пятым кокардой. Голову, лицо, грудь забрали густо в пустынях, тутовые деревья, на-

и вот наступило для делегации время проприации с Советским Союзом. Она отбыла парадом в Щецин, оттуда поездом до Берлина. Чехословацкую границу делегаты пересекли тайно. Юлиус переходил границу, одетый в летнюю краснорамскую форму. Белую полотняную фуражку с пятым кокардой. Голову, лицо, грудь забрали густо в пустынях, тутовые деревья, на-

В

ечерело.

Пело вынесла из ковровника тяжелую кринику, полную парного молока. Понадежней прижалась ее левой рукой к груди, а правой задвинула щеколду. Из-за деревянного дна доносились шелест соломы. Обхватив кринику обеими руками, Пело направилась к дому, как вдруг ей почудилось, что у загона, за узким перелазом, кто-то стоит. Войдя в сени, она оглянулась, но ничего не увидела: покосившийся плетень огорода заграживал перелаз. Ногой толкнула она дверь, вошла в комнату, поставила кринику на стол. Так и подмыла выйти, проверить, нет ли кого у загона, но она не решалась. Да и кому там быть? Да и кому же вечно не просыхает рыхлая, липкая грязь?

Двор перед домом ровно и плотно зарос травой, железные ворота, выходящие прямо на асфальтированную улицу, тщательно выкрашены серебряной краской.

«Что это на меня нашло! — покачала головой Пело, — да в эту грязь и палкой никого не загонишь. Померещилось в сумерках, не иначе». И все же решила выйти.

— Чтоб этой кошке провалиться! — обернулась она, не дойдя до двери, но около киринки никакой кошки не оказалось.

Вернувшись, прощешила молоко в эмалированную кастриюлю.

Собралась насыпать туда закваски, но снова что-то почудилось.

Накрыла киринку кастриюлью. Подошла к окну, отдернула занавеску и сталаглядеть в темноту — никого. «Если б кому-нибудь понадобилось, со двора бы зашли». Снова задернула занавеску.

Тускнул огонь в железной печи. Она подбросила пару поленцев, прикрыла дверцы. Дрова разом вспыхнули, оранжевый, яркий свет заплясал в поддувале. Под печкой свернулась кошке, и Пело снова вспомнила о молоке.

«Надо закасти, пока не остыло».

Подошла к полке, на которой стояла склянка с закваской.

«Это он, непутевый, привиделся...»

Рукой, протянутой было к полке, схватилась за сердце. Хотела побежать к ковровнику, но тут же остановилась: ясно, что показалось, откуда «ему» быть здесь?

Плохо одной. Даже собаки не завела. Собаку, как и человека, надо искать хорошую. Да разве не всех напасшихся таких?

А какая жизнь в одиночестве!

Как выдала вторую дочку замуж, в чужую семью, словно вымер дом. Чисто юла была младшая. Минуты спокойно не усидит.

Пройдет время — стерпится Пело с одиночеством. Даже краинка «кои» пропадет, не чувствовалась себя такой одинокой. Младшей в ту пору шесть исполнилось, старшей — седьмь. Вырастить нужно было, вывести на дорогу, где уж тут думать об одиночестве!

И только теперь, когда упорнула доченьки вити, собственные глаза, Пело, словно листочки, зазимовавшие в пустом гнезде, почувствовала, как холода осень. Поэтому и «кои», непутевый, начал мерещиться.

Кошке приподнялась, потянулась, нежно замурлыкала, привлеченная запахом парного молока.

«Корове корму засыпала, теленка привязала, коровник заперла... Нет, все-таки кто-то там был... Но что я понадобилось? Занем позев в этикую грязь!»

Кошке подкралась к столу, косясь на кастриюлю.

— Цыц, нечисти!

«И воды нет сколько...» — с досадой подумала она.

Слушались лиловые сумерки, подступала

ночь. «Позже на улицу и носа не высунешь, а пока еще можно хоть что-то разобрать... Вспоминают ли доченьки свою мать? Пело вышла во двор, пошла к ковровнику. У плетня приостановилась, всматриваясь в темноту.

«Господи, застудник, и в самом деле стоит кто-то, чтоб ему неладно было...»

Приложила к сердцу ладонь, прижала локоть к боку, как прижимала недавно, несся киринку.

«В прятки играем, — устыдилась женщина и решительно направилась к ковровнику. — Если в самом деле кто-то есть, окликнет!»

Она вошла в сарай. Прикрыла дверь. И сразу стало так темно, что, будь у нее тут хоть какое-нибудь дело, поневоле пришлось бы расплакать дверь.

«Подай же голос, чтоб язык у тебя отчасти это его умение.

Ей не хотелось увидеть его сейчас несчастным, потерянным, жалким. Не думала и о том, что прошло уже шестнадцать лет с той поры, как была она женой этого человека. Вспомни Пело сейчас про эти годы — и близко бы не подошла.

Женой-то она была. Но за давностью лет почти забыла, как это было, и сейчас она проста женщина. А к женщинам он всегда умел подъехать.

«Пожалуй, больше шестнадцати прошло...» Она вспомнила минуту расставания, и ей захотелось, чтобы «тот день» отошел еще дальше, хотя бы на год. Но нет, все равно больше шестнадцати никак не выходит.

«Знал, когда объяться... Приди он раньше... Или задержись... Сумел выждать и в такое время подгадал, чтобы заметить можно было. Часом позже — и за чужого принял недолго, а то и вовсе впотух не заметить. Засветло — посторегся, чтоб в глаза не заглянули. По глазам ведь все узнат можно...»

...Прутаки акции, ободранной почти до конца, блеет молочным лучиком.

«Скажу, чтобы отправлялся восвояси. Да разве послушается после того, как я столовая маялась? Знает, когда в самом деле говорит, когда нет?»

«Может, и не слыхал, что меньшая замуж вышла, и проводить приехал? И вдруг горько, почти как в «тот день», скжаслось сердце.

— Анду! — вырвалось у нее.

Отия ИОСЕЛИАНИ

ПАРНОЕ

На нем была железнодорожная фуражка с кокардой, волосы на висках совсем белые. Он молчал, не поднимая головы, и только теребил сухой стручок акации.

— Андукалар, ты!

Вещий при нем не было.

— Как будто я не знаю, что это ты! — сказала женщина, но почувствовала, что эти слова лишили. Замолчала. Говорить было не о чем.

Мужчина стоял по ту сторону плетня, словно ожидая ответа.

Кого-то ответил? Он когда-то сам все решил, налипал эту фуражку с зеленым кантом, сел на поезд — только его и видели.

А сейчас преспокойно торчал у плетня и на поезд не боялся опоздать и ее не торопит, дает время подумать, все взвесить.

Столп себе в грязном загоне, где никто не помешает, не увидит.

Ни один человек из всей деревни не сможет вмешаться сейчас в их отношения, на-

ставлять их, ссылаясь на неписанные законы.

«Всегда был таким, — вспоминает Пело, — умел подобраться к бабьему сердцу».

Теперь мужчина очищал пруток акации, стягивая с него сухую кору. У нее было времена подумать, хотя и раньше не раздумала об этом.

Но сейчас почему-то особенно отчетливо вспоминалось, как умел подмазаться этот «непутевый».

Совсем стемнело.

«И время подходящее выбрал, — ей захотелось улыбнуться, — небось, не выди дочки замужи, не пришел бы... Или если б давно вышли... Знал, когда явиться, и дорогу нехоженую выбрал».

Чуть ли не за достоинство готова сейчас это его умение.

Ей не хотелось увидеть его сейчас несчастным, потерянным, жалким. Не думала и о том, что прошло уже шестнадцать лет с той поры, как была она женой этого человека. Вспомни Пело сейчас про эти годы — и близко бы не подошла.

Женой-то она была. Но за давностью лет почти забыла, как это было, и сейчас она проста женщина. А к женщинам он всегда умел подъехать.

«Пожалуй, больше шестнадцати прошло...» Она вспомнила минуту расставания, и ей захотелось, чтобы «тот день» отошел еще дальше, хотя бы на год. Но нет, все равно больше шестнадцати никак не выходит.

«Знал, когда объяться... Приди он раньше... Или задержись... Сумел выждать и в такое время подгадал, чтобы заметить можно было. Часом позже — и за чужого принял недолго, а то и вовсе впотух не заметить. Засветло — посторегся, чтоб в глаза не заглянули. По глазам ведь все узнают можно...»

...Прутаки акции, ободранной почти до конца, блеет молочным лучиком.

«Скажу, чтобы отправлялся восвояси. Да разве послушается после того, как я столовая маялась? Знает, когда в самом деле говорит, когда нет?»

«Может, и не слыхал, что меньшая замуж вышла, и проводить приехал? И вдруг горько, почти как в «тот день», скжаслось сердце.

— Анду! — вырвалось у нее.

Рисунок Б. СОПИНА.

МОЛОКО

Женщина посмотрела на него.

«Хоть бы дождь началася или похолодало, можно было б в дом пронести: пережди, мол, обогрейся. А как сейчас быть, ума не приложу. — Андукалар, ты слыву, что здесь росла, срубили Высохла.

Андукалар безшибочно повернулся к тому месту, где было деревце.

— Ты же знаешь, что здесь черт ногу сплюнет. Пройди через двор. Кто тебе увидит в этой темноте... Мужчина шагнул через перелаз.

Она пошла впереди, но перед самым домом замешкалась: тропинка расходилась здесь на две: одна — к крыльцу, другая — к воротам. Конечно, можно проводить его до ворот. Но потом каково будет? Опять одна! Неужто забыла, как ждала эти шестнадцать лет? Как коротала бесконечные ночи..

Она шла к воротам, а он перенесся с ноги на ногу, словно ждал, когда натягнется ослабевший поводок.

— Чего ты ждешь? — оглянулась на ходу женщина. Поводок натянулся. Мужчина поплелся за ней, словно теленок, которого насильно тащат от матери.

«Дойдем до ворот, а там как знает, не хочет — пусть не уходит!»

Он бесшумно ступал по мягкой траве. А ей хотелось слышать его шаги. Хотелось показать ему персидские саженцы, но он не имел к ним никакого отношения, и она прошла мимо.

У ворот ее поджидали шестнадцатилетия разлуки и одиночество, и ей захотелось разреветься.

— Господи, хоть бы ливень, хоть бы ураган, хоть бы светопреставление...»

Промчавшаяся по дороге машина на мгновение ослепила их светом фар. У женщины затеплилась надежда.

— Не пойдешь же ты к двоюродным братьям в такую позднюю?

Он отрицательно покачал головой.

— «Не» не так поздно, успеет и к поезду».

— И к родственникам неудобно заявляться! — Хотела почувствовать, а вышло словно упрек.

— Если начну упрекать, значит, помирился.

— К бывшим женам за наставлениями не ходят.

— Она самая что ни на есть бывшая.

Пело бесшумно отодвинула засов. «Неужто так и вытали, как забредшего соседского теленка?»

— А твой лучший друг Кирилл умер, Андукалар.

Мужчина кивнул.

«Все-то ему известно. Да будь Кирилл жив, все равно бы он не пошел к нему».

Медленно оторвала калитку.

«Наверное, не ужинал. Неужто отпустить голодными?»

— Да, совсем забыла, ты может, поесть хочешь?

Он покачал головой.

— Так и знала, не сладко ему с другой, не сладко.

— Если собираешься в деревне заночевать, к Андро не ходи, я с его женой в ссоре.

Опять покачал головой.

— Знаю, что к Андро не пойдет. Ни к кому не пойдет. Наверное, и от своей-то ушел потому, что душа не лежала...»

«Не уходи... А калитка давно открыта... Я тоже не всегда права была...»

Мужчина споткнулся, обходя женщины, и тяжело волоча ноги, шагнул за калитку.

— Уходишь, Андукалар! А у Талико сыншка родился, не слышал? А Тина второй женой как замуж вышла. Что же я еще хотела...»

Он стоял на дороге, натянув на лоб фуражку.

— «Ходят. Так и знала, что уйдет!»

Не было сил терпеть эту пытку.

— Андукалар, у меня молоко там, побегу я...

Она повернулась к дому, ноги не слушались.

— Прощай, Андукалар!

— В загоне такая грацища... Хоть бы ботинки почистили...»

Но на середине двора все же обернулась.

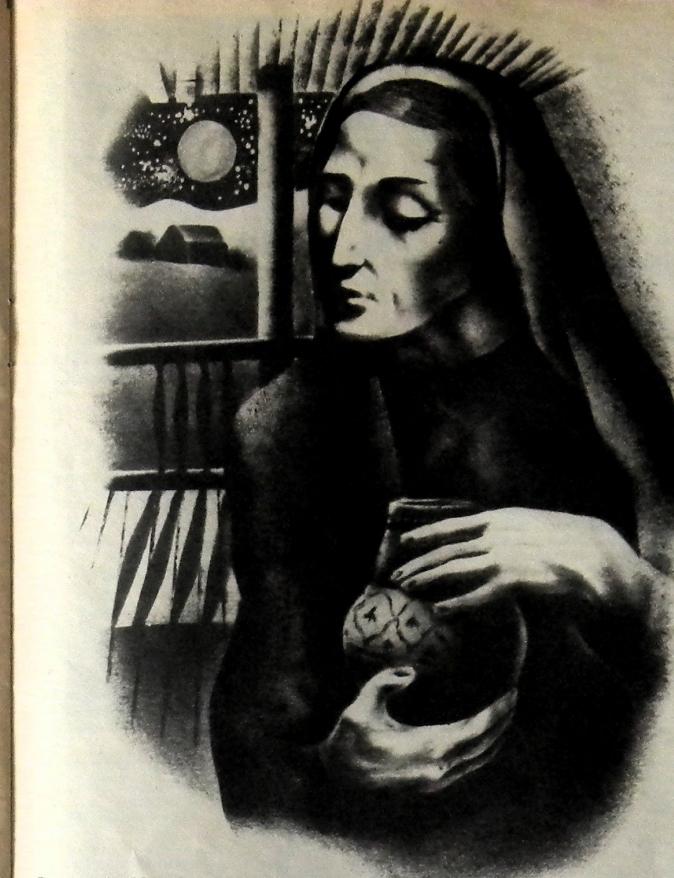
— До свидания, Анду! — хотела крикнуть, а вышло таких, что стой он у ворот, и то не услышал бы.

Вбежала в дом, захлопнула дверь, упала на тахту. Шестнадцатилетие одиночество встало рядом.

«Ох, самолюбие, самолюбие, много грехов на твоей совести!»

Когда в печи потяг огонь, кошка прыгнула на стол и припала к кастриюле, полной теплого еще, парного молока.

Перевод с грузинского
Вахтанг ЦИКЛАУРИ.

Кому надо больше всех...

Это письмо пришло в обычном потоке почты. Писали закрытницы фабрики трикотажного белья из Москвы. Они сообщали, что находят убыточным для них производство, для государства существующий способ перевозки изделий с дефектами, попадающими на полотне.

«Что можно из них выкроить? — пишут работницы. — Только детские плавки. Остальное идет в отходы. А мы предлагаем белье с небольшими дефектами продавать по сниженным ценам. Так будет, пожалуй, выгоднее, а покупатель не откажется его купить».

«Это будет, пожалуй, выгоднее...» Вдумайтесь, прислушайтесь! Пусть при точном подсчете окажется, что особого выигрыша тут нет, — важно другое. Важен мотив, побудивший работниц взяться за перо и написать: «А мы, работницы, предлагаем...» Важно, что он существует, такой мотив, что он звучит явственно. И добная половина писем, приходящих к нам в редакцию, вызвана этой главной заботой: не о себе — о производственной нужде, о рабочем деле.

Из Азии-Аты писали текстильщицы, что на комбинате в отходы идет, как они считают, еще година к переработке пряжа. Из Кинешмы недавно сообщили работницы придально-ткацкой фабрики № 1, что у них «вся душа изболелась видеть, сколько брака получается из-за неотложенных увалжителей в текстильном цехе». Они просят подействовать на администрацию, которая все только обещает наладить увалжители.

Люди, которым не все равно, как, что и почему происходит вокруг; — такие люди есть на каждом заводе, фабрике, в каждом цехе. Душевное человеческое движение: тревога, забота, недовольство тем, что плохо еще получается, что не продумано как следует или не устроено; — постоянно преобразуется в действие, в поступки, предложения, извинения. Кто-то придумал, как удобнее стаканы расположить, чтобы меньше времени тратить на переходы, а больше — на работу; кто-то предложил отходы от производств использовать с большой выгодой; кто-то оставил руку, тянущую государственное добро...

Эта хозяйствская рабочая забота родилась в те дни, когда революция раз и навсегда отдала в общую собственность заводы и фабрики, все богатства земли, одним этим актом освободив

див естественную человеческую потребность — потребность трудиться — от унижения эксплуатацией. Радуясь этому великому завоеванию Октябрьской революции, наши деды называли свои фабрики и заводы, где вчера еще были рабами, «Освобожденный труд», «Власть труда», «Свободный пролетарий». И год за годом учились распоряжаться своим хозяйственным правом размышлять и вмешиваться, предлагать и устраивать государственные народные дела так, чтобы всем стране в целом стало лучше.

Распоряжаться своим правом... Казалось бы, это так просто — проявить свою добрую волю, будь человеком сознательным и активным. Но в жизни это требует порой и настойчивости и гражданско-го мужества.

Ведь еще есть люди, для которых общественная нужда не свою беда, которые превыше всего цеют свой личный покой. Это и администраторы, подобные тем, что на Кинешемской фабрике: идет брак, а они сохраняют полное спокойствие и на требования работниц не обращают внимания, считая, что не их дело вмешиваться. Это и иные рабочие — люди такого склада, для которых «моя хата с краю» — свет заслонила. Они в любом начинании видят посагательства на свои права. Их оклик: «Что, тебе больше всех надо? — ушатом холодной воды обрушился на головы беспокойных искателей.

Слышали, наверное, такое и зачинатели нового почина во Владимирской области. В Коврове на заводе имени Орджоникидзе почти одновременно рабочие решили повысить свои смениные нормы, так как техника обновилась, условия труда улучшились и производительность труда стала заметно выше. Слышали — и все же десятки тысяч рабочих в Муроме, Коврове, Владимире пошли за лейтенщиком Н. Суслаковым и токарем А. Курьялевым, которые, оглядевшись со своей рабочей стороны, первыми сказали: «Можно сделать больше».

«А если нам иногда будут говорить: «Что, тебе больше всех надо?» — как писал в свою областную газету А. Курьялев, — будем отвечать на это: «Да, мне надо больше всех: я рабочий, а следовательно, человек государственный».

Т. ПОЛИКАРПОВА

Верико Анджапаридзе в ролях:
Дарджен — спектакль «Его звезда»
И. Мосашвили, 1951 г.
Бабушка — спектакль «Деревья умирают стоя» А. Касона, 1957 г.
Отарова «вода» — одноименный фильм
М. Чиаурели, 1957 г.

ЛЮБОВЬ

Елена ЛУЦКАЯ

Москва театральная способна увлекаться. Но не всякое увлечение становится любовью — верной и преданной. И все-таки именно так любят в столице Верико Ивановну Анджапаридзе. Идут годы, сменяются поколения зрителей, а любовь не гаснет.

Москва полюбила Верико еще в начале тридцатых годов, когда она сыграла в Реалистическом театре горьковскую Ниловну. Полюбила, не дожидаясь тех почетных званий, которых явились позже.

А почти четверть века спустя, когда народная артистка СССР, лауреат Государственной премии Верико Анджапаридзе выступила в московской постановке спектакля «Деревья умирают стоя», столичная публика наградила ее бурей оваций. И никого, естественно, не удивило, что свое семидесятилетие Верико отпраздновала в Центральном Доме актера, где она прочитала на русском языке фрагменты из «Макбета».

Она исполняла роли женщин, созданные Афиногеновым и Погодиным, Симоновым и Виртой. И все ее героини — Маша из «Кремлевских курортов» и Женя из «Далекого», Джесси из «Русского вопроса» и Ганна Лихта из «Заговора обреченных» — могут составить тему исследования о своеобразном прочтении грузинской актрисы страниц русской советской драматургии. Для полноты картины сюда придется добавить и роли, исполненные в кино. Почти полвека имя Анджапаридзе связано с историей советской кинематографии. Она играла в таких разных и по тематике, и по стилю, и по режиссуре кинофильмах, как «Падение Берлина», «Отарова «вода»», «Георгий Сакадзе»...

Но вернемся к истокам, к первым впечатлениям Верико, связанным с театром. Здесь совсем юной девушкой впервые увидела она тургеневский «Месье в деревне». Роль Ракитина в этом спектакле испытала Константин Сергеевич Станиславский.

— Я поняла, — спустя много лет утверждала актриса, — что Станиславский обладал редчайшим сочетанием таких актерских качеств, как внутренняя правда перевоплощения и масштабность ее пластического воплощения. Правда и масштабность. Вот в чем тайна! Всю жизнь потом мечтала я об этом и, как могла, добивалась в своем творчестве.

Немалую роль в становлении актерской индивидуальности Анджапаридзе сыграл и Кот Марджанишвили — создатель русского театра в Грузии. Верико — истинная ученица Марджанишвили, художника и человека, чье имя носит театр, в котором она работает вот уже более трех десятилетий.

...Мне вспоминается апрель 1963 года. Объяснить, что такое апрель в Грузии, почти столь же затруднительно, как объяснить искусство Анджапаридзе. Тбилисская весна вроде бы должна приходить почти неощущимо, ведь внешние ее приметы — от неясной лазури до фиалов и напоенного душевным теплом воздуха — «каличествуют» тут и в зимние месяцы. Но вот наступает день, когда небесная лазурь достигает «оптимальной яркости», дерзко подчеркнутой свежестью листвы. И душестое тепло обрачивается благоуханием столь зынным и терпким, что перехватывает дыхание. Вот в такой напоенном теплом и благоуханием весенний день Верико и ее соратники ежегодно приходят на магнолию Марджанишвили, близ оперного театра. Тут мы и увиделись впервые. Вернее, я увидела ее выразительное лицо, озаренное светлой печалью. О чем она думала в то утро? Что вспоминала? Какие невысказанные мысли толпились в ее голове? Не знаю. Но меня тогда поразило ее лицо, способное выражать тончайшие оттенки чувств и мыслей.

То же вдохновенное лицо возникло передо мной и вечером посреди огромной, все заполнившей тишину зрительного зала. Шел «Уриэль Акоста», спектакль, имевший уже не только художественную, но и историческую ценность: к этому дню он был восстановлен таким, каким шел под руководством Марджанишвили в 1929 году. Теперь, больше чем через тридцать лет, Верико снова вышла на подмостки в той же роли. И, быть может, настороженная тишина зала объяснялась не только огромным зрительским интересом, но и удивлением неслыханной смелостью актрисы, посмевшей вступить в поединок со временем и победить его.

Она вернулась к этой роли, прожив исполненную труда и вдохновения жизнь актрисы театра и кино. Конечно, опыт десятилетий не мог не сказаться в воскрешенной Юдифи.

За годы, что прошли меж первым и недавним ее появлением

в восстановленном спектакле, Верико сыграла шекспировских Офелию и Дездемону, шиллеровскую Марию Стюарт, Ларису Огудлову в «Бесприндилии» Островского, лукавую и томную графиню в «Женитьбе Фигаро» Бомарше. В ее репертуаре — десятки и других, не менее ярких ролей классического репертуара.

Играет она, естественно, и грузинскую классику — Важа Пшавела, Казбеги, Мосашвили... Играет и в десктаках произведений своих современников.

Анджапаридзе — мастер тончайших, смелых обобщений, мастер типизации. Поэтому любое ее создание в театре является собой совершившим определенный, немыслимый вне соответствующей исторической и социальной обстановки характер. И в то же время актрисе дано редчайшее умение — в пределах широких, философских обобщений всегда оставаться живой, конкретной, всеми узнаваемой Верико. Вспомним хотя бы недавно сыгранную ею в Москве Зейнаб в пьесе Сумбатова-Южина «Измены». Зейнаб — женщина, для которой Родина превыше всего, превыше всех личных благ, превыше материнского счастья.

Патриотизм и гражданственность, присущие в актерской палитре Анджапаридзе, глубины и органичны. Действительно, для нее искусство, театр, вся ее жизнь — это прежде всего служение. Служение людям — своим соотечественникам, служение сцене, служение обществу. Я имею в виду не только депутатскую деятельность Верико, не ее избиравшейся в Тбилисский городской Совет, и не ее вседжадидная готовность высунуть, помочь, заняться чьей-то судьбой, и даже не ее враждебность к безразличию и равнодушию, а все это вместе и еще что-то большее, что можно назвать только очень высокими словами: верное и беззаветное служение Родине.

Не спрашивайте Верико, что для нее Родина. Это, конечно, прежде всего необъятная Советская страна. Но это маленький Кутаиси, где она родилась. И дом, в котором она живет нынче, с балкона открывается киприскими изгибами тбилисских улиц. И семья, где выросла тонкая и хрупкая девочка из манер и совсем иная, чем мать, — актриса Софико Чиаурели, и подрастают внуки — предмет всегдашней счастливой гордости бабушки. Это и театр — ее вечная и безраздельная привязанность.

Созданные Верико Анджапаридзе образы непохожи друг на друга, как непохожи друг на друга живые люди.

И странное дело: когда я смотрю Верико в театре, никогда не возникает желания сравнивать ее с другими актрисами. Ее игра вообще почему-то не вызывает ассоциаций театральных. Может быть, потому, что все ее роли необычайно достоверны. Актриса умеет увидеть в овещенненной тысячелетними сценическими традициями Медею прелести и величие живого национального характера. Умеет подарить зрителям иллюзии рождения образа на глазах, оттесив десятки воспоминаний о других прочтениях этой же роли. Умеет потому, что сама обращается со своей ролью, словно с живым существом, составляющим часть и ее личности и ее жизни.

«Алогия Камелий я видел, — писал актрисе Немирович-Данченко, посмотрев Анджапаридзе в «Даме с камелиями». — Две из них были замечательны. И вот на старости лет я увидел вас и сравниваю с теми двумя Камелиями — Элеоноры Дуз и Сары Бернар. У меня даже было такое ощущение, что вы видели Дуз — не читали о ней, а именно видели ее. Но в последнем акте я понял, что это не так. Последний акт — это неповторимо. Да, дорогая Верико, за две-три так сыгранных роли я ставил бы артистку памятник...»

...Человек сильнее смерти. Сильнее тьмы. Сильнее фашизма. Сильнее войны. Так играет Анджапаридзе мать в одноименной пьесе Чапека.

У каждого человека свои, личные счеты с войной. Но существуют еще и всенародная память, и всенародная скорбь, и гнев всенародный, и решимость не отдавать мир, завоеванный ценой многих жизней. И эта память, и цена мира, и печаль утрат, и гордость одоления — все сплелось, все сияет в характере неборской, простой, внешне как будто ничем не примечательной геройской женщины из пьесы Чапека. Женщины-матери, которая в исполнении Верико становится символом Женщины. Символом Матери.

«Верико Анджапаридзе напоминает ту музыкальную мелодию, которую ч� больше осваивалась, тем больше хочется слушать...» Эти слова Марджанишвили оказались пророческими. Музыка творчества Анджапаридзе звучит и сегодня мощно и светло. Потому и не ослабевает с годами любовь к ней зрителей.

И ВЕРНОСТЬ ЗРИТЕЛЕЙ

У НАС

В
ГОСТИХ—
ЖУРНАЛ

ГРУЗИНСКИХ ЖЕНЩИН

Марика БАРАТАШВИЛИ

Марика Бараташвили — драматург и поэт, автор нескольких пьес, в том числе такой широко известной, как «Стрекозы» и многих сборниковых стихов, выходивших на грузинском и русском языках. Она редактор грузинского женского журнала «Сакартвело кали».

СЕГОДНЯ

Как водопад, неотвратимо уносит жизнь за мигом, миг, хотим того или не хотим мы, но так — вокруг и в нас самих.

Люблю в тревоге ежедневной — до крохотной пылинки, весь, — тот миг, протяжный, краткий, нервный, который жизнь моя есть.

Что будет завтра — будет завтра. А я — сегодня должна сказать о том, что несказанно, кому верна и чем больна.

Что будет после — будет после, но, коли росток посажен мной, пусть примется сегодня подле всего, чем щедр мой мир земной.

Что будет дальше — будет дальше, но для всего, что вдалеке,

свеча ночей моих, не тай же, пока перо горит в руке.

О, сколько раз в час утра ранний, надежды и любви рабы, напрасно ласточки желанных взмывали в небеса сльбы!

Но их печальное круженье не омрачало солнца дня, и даже с болью пораженые взмывали для прекрасен для меня.

Что будет вскоре — будет вскоре... Живу своим мгновенным днем, благославляя даже горе, что солью — в море, есть и в нем.

Чтоб было то, что завтра будет, живу тобой, мой день большой. Ты — свет, борьба, работа, люди с неуспокоенной душой.

Перевела с грузинского Р. Казакова.

Опыт — друзьям

Напротив письменного стола стоит большой шкаф, заполненный фолиантами. Напротив от стола другой шкаф — прибрки, колбы, реторты.

Мы в кабинете Тамары Стаждзе, заведующей лабораторией минеральных вод Боржомского завода № 1. Известный специалист по минеральным водам, автор научных трудов, Стаждзе была командирована в Алжир в качестве консультанта. Вода в Алжире — одна из важнейших проблем в освоении Сахара. А своих специалистов по минеральным водам в Алжире не было вообще. Тамара вынуждена была самостоятельно решать многие вопросы, возникавшие в процессе работы. Она провела гидрогеологические исследования, определила эксплуатационные и промышленные испытания, составила план устройства лаборатории завода и приняла практическое участие в его осуществлении.

Алжирцы долго будут поминать «жадемузей Тамару». И сегодня в Боржоми прошли пленарные с заслушками, штемпелями. Недавно Тамара Стаждзе получила номер алжирской газеты «Ел-Мундаччида». Алжирская минеральная вода, прочитала она, на международной выставке получила Большую золотую медаль.

В этом успехе, несомненно, есть и заслуга советского специалиста Тамары Стаждзе.

Лина ЛОМИДЗЕ

Шахматные королевы

Кто не знает Нону Гаприндашвили? Уже десять лет восседает она на «королевском престоле». Заслуги ее отечества самой великой шахматисткой Елены Годиной — оценены Ленинградом.

Нона трижды завоевывала звание чемпионки мира по шахматам. Побеждала во многих

международных турнирах, даже в мужских. Совсем недавно в Тбилиси на Мемориале В. Гогида она стала первая из женщин, выполнившая мастера спорта среди мужчин.

Нона дружная семья. Муж ее, врач Анзор Чичинадзе, в недавнем прошлом способный велосипедист, сейчас судья все-сезонной категории. Он и в шахматы играет неважко, но, в будущем, побьет шахматы и математику Дато, сына Ноны.

Все братья «королевы» — их пятеро — играют в шахматы. Именно в сражениях с ними и начал проявляться талант будущей шахматистки. Отец Ноны, Терентий Северинович, всегда одобрял увлечение дочери математикой. Тогда, сопровождая дочь на все турниры,

Такой «королевы» у нас никогда не было, — считает первую советскую чемпионку мира по шахматам Валентина Руденко. — Нона на голову выше современных шахматисток.

Шахматы — это сочетание интуиции и логики. Но, прославленная шахматистка сочетает это наше с большим общественным темпераментом. Много лет Нона была депутатом Тбилисского городского Совета, где работала в культурной комиссии. Сейчас тбилисцы избрали Гапринда-

швили депутатом Верховного Совета республики.

Очень любят у нас в республике и другую шахматистку — Нану Александри. Ей только 22 года, а она уступила трижды завоевав золотую медаль чемпионки Советского Союза. Побеждала Нана и в международных турнирах в Тбилиси, преданных шахматам, Нана не ограничивала свою жизнь. Она филолог, закончила университет. Ее избрали членом Центрального Комитета ВЛКСМ Грузии и депутатом Тбилисского горсовета.

Нана Александри с надеждой смотрит на будущее: может ли ее интересовать и ее сокровенное желание — сыграть матч со своей знаменитой соотечественницей Ноной...

Более 20 лет Грузинские шахматы известны почтой с момента их появления — с VI—VII веков. Издавали или увлекались и женщины. У нас в Грузии шахматы — спортивный вид спорта, прекрасная традиция, дают невесткам в приданое вместе с генialной позой Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» шахматы.

Тенгиз ГЕОРГАЗДЕ

На снимке: Нана Александри и Нона Гаприндашвили.

Неповторимый мир красок

Передо мной лежат статьи, в разное время напечатанные в газетах, посвященные Элене Ахвледiani. И их, прочитавши, и читая, ее превосходности не понимает меня: нет, не смогла я сказать о ее картинах в полный голос! Между тем, вот уже много лет ее творчество для меня — источник радости и вдохновения, а ее человеческий облик восхищает меня самобытностью...

Я застал Ахвледiani в ее мастерской. Помню, однажды Элена, гостившая в выставке. На столах, на полу, на подрамниках были разложены драгоцен-

ные полотна. И я как бы заново открывала для себя их, заново увидела наш неповторимый Тбилиси — старый и новый, вчерашний и сегодняшний. Многообразие красок — лучезарных и полонирных, блеклых и нежных, хрустальных, затуманных сумерками... Увидев ее в удивительных различных уличных перформансах, я понимаю, что оправдано ее название «полифонизированные в глаза художницы...»

Любая картина Элены имеет свой адрес. Я знаю, что эти места существуют реально в на-

шем городе, вероятно, я не раз бывала в каждом из них. Но уж такова особенность истинного таланта: на полотнах Ахвледiani привычное звучит чающейся поэзии, преображается, становится большим искусством.

Вероника АНДЖАПАРИДZE

У народной художницы Грузии Э. Д. Ахвледiani (слева) всегда много гостей.

Ткачиха Александра Крылова работает в первом ткацком цехе и обслуживает 36 станков.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА «КРАСНОЙ РОЗЫ»

Ящики, надежно спрятав внутри себя станки, ждут своей очереди. На них посматривают с уважением: ткачи знают, что дают им эти станки. Наладчики знают, чего станки от них потребуют. А заведующая ткацким производством Надежда Михайловна Орлова перебирает в уме: «Кого же поставить на заправку? Пока не заведены они во все им положенные отверстия, станки считаются голыми. «Одеть» их может только очень опытная ткачиха.

...Слыши веселый женский голос:

— Еще привезли станки? Видать, конец пришел нашим членокам!

Если спросить любую любую ткачиху московского шелкового комбината «Красная Роза», то ей запомнилось больше всего за последние, скажем, два года, она назовет не мало событий. Но начнет обязательно так: «Новые пневматические станки...» Во втором ткацком цехе их пока налаивают, осваивают, а для первого это уже пройденный этап. Здесь нет ни одного старого станка.

Люди, работающие в первом цехе, говорят: «В этом зале...», «Наш зал...» Фабрика и залы. Как-то не укладывалось в голове такое сочетание слов. Но, придя сюда, я поняла: действительно, неволово называть участками необычайно светлые, радостные помещения. «Обратите внимание, какие хорошие полы, — вспоминаю совет начальника цеха. И стены там покрасили, чтобы ткачи меньше уставали». Вот и сами ткачи. В строгих платьях. В одинаковых ярких косынках и фартуках в белых горохах. («По наше зему заказу сшили. Когда человек нарядно одет, у него и работа спорится!») Но главное, что притягивает к себе внимание в этом цехе — новые станки. «Красивые» — первое, что думашь, взглянув на них. Невысокие, компактные, цвета только что распустившихся листьев, они стоят, словно на параде, ровными цепочками.

Красивые — это впечатление человека прошлого, стороннего. Но чтобы понять, что такое пневматические станки для ткачих, надо увидеть их в работе. Челнок, ставший символом ткачества, — даже многогородная газета комбината называется «Челнок», — и вот нет челнока. Вместо него — воздух. Он сильной струей гонит уточную нить на переплетение с основой, и — в одном зале — течет, как быстрая речка, пурпурная ткань, в другом — белоснежная. Новые станки ткут

в два раза быстрее, чем старые. Но именно скорость вначале и настораживает ткачих: «На прежних, тихоходных было по девятнадцать обрывов основы на 100 метров ткани. А здесь что получится?» Поэтому каждая взяла лишь по 6 станков. Но воздух не членок: обрывов стало мало.

...Она вошла в кабинет начальника цеха и сказала:

— Валентин Гаврилович, я решила обслуживать 20 станков.

Андрюшин не был чрезмерно растерян. — Вы хорошо подумали! А если не справитесь?

— Подумала. Справлюсь.

Андрюшин не был чрезмерно осторожен. — Но 20 станков!

Через месяц весь комбинат знал, что Валентина Ивановна Бобкова на своих 20 станках выполнила план на 133 процента. В ее честь во дворе комбината был поднят альный флаг.

С каждым днем все больше становится последователей у Бобковой. Сейчас нет ни одной ткачихи, которая бы обслуживала меньше 12 станков. Даже в зале, где создаются ткацкие волокна, полагают, что такие станки, как у нас, каждая ткачиха может обслуживать до 72. Чтобы на деле проверить, какую наивысшую производительность может дать наша техника, засчитывая счет чего, мы и организовали эксперимент.

«За наивысшую зону обслуживания!» — призывают плакаты. Лучшие ткачихи рассказывают, как они работают. Фотографии демонстрируют лучшие приемы труда.

Из месяца в месяц на комбинате подводят итоги соревнования. И цифры, толкаясь и отчаявшись, расходятся по клеткам сводок и отчетов. Возьмем некоторые из них.

Цифра первая — 2,5. Во столько раз уменьшился выпуск тканей в первом ткацком цехе.

В 1975 году комбинат обогнал по объему ткацких производств 28 миллионов метров 50 миллионов метров тканей. За счет чего произошло? С этим вопросом я и обратилась к заведующей ткацким производством.

Надежда Михайловна Орлова торопится. Она и на стуле сидит как-то боком, готовая к каждой минуте подняться и выйти из кабинета.

— Вы говорите, есть ли предел расширению зоны обслуживания? Есть, конечно. Наши специалисты и сотрудники ВНИИ по переработке химических волокон полагают, что такие станки, как у нас, каждая ткачиха может обслуживать до 72. Чтобы на деле проверить, какую наивысшую производительность может дать наша техника, засчитывая счет чего, мы и организовали эксперимент.

тальный участок.— Надежда Михайловна быстро чертит схемки, столбики цифр. Они помогают прояснить мысль.— Мы решили перестроить технологию всего ткацкого производства, а работу ткачих организовать так, чтобы они только следили за непрерывностью процесса ткачества. Что же для этого сделано? Теперь ткачих ткет ткани одного артикула: или подкладку, или галстучную ткань, а не как раньше — и то и другое. Это создало четкий ритм в работе. Перераспределили мы и обязанности в brigadaх. Обрывы сразу нескольких нитей сейчас из ряда вон выходящий случай. А раз так — отрывщица может взять на себя вместе ткачих, скажем, смену бобин. Используют членки, которые доставляли столько хлопот помастерам, высыпалось у них время — пусть снимают куски готовой ткани со станков. Остальное, я думаю, сами увидите на экспериментальном участке. Кстати, сейчас как раз работает Бобкова.

— Я не стала считать станки. Попробовала охватить их взглядом — не смогла... Не выдержала, спросила: как же можно с ними управлять? Ведь сразу не увидишь, почему остановился тот или другой.

— Очень даже поймешь, — ответила Валентина Ивановна. — Видите, возле станков электронная световая сигнализация. Загорелся желтый свет — значит, обворвалась основная нить, зажигается красный — утюг обварился, зеленый — наработанный кусок ткани пора снимать. А если зеленая и красная лампочки загорутся одновременно, что-то в станке разладилось, надо звать помощника мастера!

Валентина Ивановна поглаживает станок:

— И здесь электронный прибор. Он следит вместо меня за чистотой основы. Если появятся в основе лохматые нити и начнут цепляться друг за друга, качество ткани будет уже не то. Прибор не допустит этого. Он остановит станок. Мне не надо помнить, сколько где готового суроява. На каждом станке автоматическое устройство — счетчик.

Я внимательно наблюдала за Валентиной Ивановной. Идет она от станка к станку и объясняет мне:

— У меня определенный маршрут, точно выверенный. Он помогает постоянно контролировать работу станков, а значит, получать суроявы хорошего качества. Вообще качество зависит не только от нас, ткачих. Прежде у нас говорили: «Хорошо сработанная основа — это наполовину сотканая ткань». На нашем комбинате ее переделали с поправкой на время, вернее, на пневматические станки: «Хорошо сработанная основа — это 85 процентов готовой ткани». Вот поэтому-то мы и вызвали на совещание сновальщиц из brigada Белова. Между прочим, у них тоже новые машины.

Иду на сновальный участок.

...Сначала кажется, что белоснежные нити берутся прямо из воздуха и образуют у машины красивый веер. Потом обнажаешь их связь с бобинами, расположившимися невдалеке на стойке. Сновальщица Клавдия Ивановна Котова нажала кнопку, машина зашумела, и веер из нитей сложился, образовал ленту. Лента наматывается на барабан. Счетчик, отсчитав положенное количество метров, автоматически останавливает машину. Теперь надо проползть цену — попечечную ленту. И снова крутится барабан. Одна такая машина за смену может обеспечивать основой 50 ткацких станков.

Сейчас проводится много различных социологических исследований. Нередко лю-

дям разных профессий задается вопрос: «За что вы любите свою работу?» Ответы, естественно, разные: «За уверенность и спокойствие», «За хорошую оплату», «За возможность творчества...» Именно о последнем ответе я думала, когда слушала рассказ сновальщицы Клавдии Ивановны Котовой и Софии Алексеевны Мартузовой:

— Наши машины новые, но знаете, сколько пришлось в них доводить! Сперва все хорошо было. Потом нет-нет да и пойдет брак... В чем дело? Стали искать. И обнаружили — стол для раскладки ленты на барабане неустойчивый. Лента сдвигается то туда, то сюда, а в итоге — брак. Позвали Николая Михайловича Белова — нашего помастера, объяснили ему. И сообща решили поставить дополнительный кронштейн. Теперь стол не качается.

Или посмотрите на это приспособление. Похоже на футбольные ворота? Только размер, конечно, не тот, и они могут подниматься и опускаться. Видите, где мы поставили это приспособление? Здесь как раз собираются все 568 нитей, входящие в основу. Поднимешь над ними «ворота», и сразу видно, если оборвется нить. Вообще мы сейчас обрывности не допускаем. Редко на две тысячи метров два конца сведешь. Ведь каждый узел — урон качеству суроява, лишняя забота ткачих.

Я не стала спрашивать Котову и Мартузову, за что они любят свою работу. Я спросила только, как им работает.

— Всяко приходится. Теперь ткачихи стали придирчивее, обращают внимание на то, что, раньше спокойно проходило. Это одно. А другое, что нас все время подстегивает, — вдруг из-за нашего недосмотра слова о машинках пойдет плохое; ведь мы из первых осваиваем. Поэтому мы заглядываем в ткацкий зал, смотрим, как ведет себя наша основа. И у себя лишний раз пересматриваем все нити, проверяем их натяжение. Жалобы на нас редко бывают.

Я прошлась с Клавдией Ивановной и Софией Алексеевной, с комбинатом «Красная Роза». И чтобы узнать, каким он станет в ближайшее время, иду во Всесоюзный научно-исследовательский и экспериментальный институт по переработке химических волокон.

Николай Михайлович Голубев, заведующий научно-техническим отделом института, рассказывает:

— Сотрудники института провели киноисследование процессов труда ткачих. Кинопленка фиксировала движения ткачих, потом их расшифровывали, изучали и на основе сочетания лучших создали наиболее рациональные приемы. Скоро ткачихам покажут этот фильм.

Николай Михайлович рассказывает о разработках института, и постепенно перед моими глазами вырисовывается недалекое будущее «Красной Розы». Перед каждой ткачихой — пульт управления. К нему со всех ее станков поступают сигналы об обрыве нитей основы, утка, о запасах утка на бобинах... На пульте загорелась лампочка, и на специальной тележке ткачиха поехала к станку: необходима ее помощь.

Я знала, что сейчас на экспериментальном участке комбината сдается в эксплуатацию автоматический регистратор производства. Он станет фиксировать выработку станков и их простоту, оповещать ремонтные службы об остановках станков, что, естественно, ускорит их наладку. Не за горами время, когда в летописи комбината появится и такая строка: «На «Красной Розе» введена АСУП — автоматизированная система управления производством».

Л. СТИШКОВСКАЯ

Людмила Пахомова и Александр Горшков, двукратные чемпионы мира по спортивным танцам на льду, в городе Казахстан (Конаково).

Ю. ПИМЕНОВ. ВЕЧЕРНЯЯ ОКРАИНА.

Создавая новую семью

Бесконечно разны причины и обстоятельства, которые приводят к крушению семей. Они порой внезапны, трагичны — как в случае, описанном в письме Гали «Чужой... чужой» («Работница» № 11 за прошлый год), когда смерть оставила семью без отца и мужа. Или вызванные жизненными неурядицами, отчуждением, ведущими к разрыву. Так или иначе, случилась беда. Женщина (чаще именно женщина) осталась одна с ощущением одиночества и горя.

И все-таки жизнь берет свое. Душа постепенно оживает для новых чувств и новых надежд. Приходит день: перед женщиной открывается реальная возможность создания новой семьи.

Но у нее ребенок или двое, драгоценнейшее наше бремя. Драгоценнейшее — да, но и бремя — тоже, потому что дети требуют постоянно нашей любви, нашей заботы, нашего участия, понимания, огромных усилий.

Перед ними мы ответственны и в большом и в малом. Дети должны быть счастливы.

Десятки вопросов встают перед женщиной, собирающейся вновь выйти замуж. И среди них первый и главный: вдруг он, ее избранник, окажется плохим отцом, не сможет полюбить детей, будет обижать их или останется равнодушным? Может, откажется, пожертвовать своим чувством, личным счастьем во имя их, детей, счастья?

Не могу взять на себя смелость и сказать: всегда надо поступать так или иначе. Да и кто сможет? Но есть человеческий жизненный опыт. Есть, в частности, многочисленные читательские отклики, пришедшие на письмо Галины «Чужой... чужой».

Многие женщины пишут об одиночестве, которое пришло потому, что в свое время они отказались от второго брака во имя детей. Горьким это письма! Раскаивается почти каждая, потому что неизбежно приходит время, когда дети уходят из родного дома. И далеко не все отдают часть своего тепла матери, оставшейся одной.

Нам подчас кажется, что залог детского счастья — отречение от себя, полное. Да и сами дети в своем неосознанном эгоизме — а дети часто эгоистичны в отношении к родителям — сотнями доступных им средств требуют этого отречения. Но разве каждому из нас не приходилось хоть раз столкнуться с горьким материнским сетованием:

«Всю себя ему отдала, а он...» Да, всю себя ему отдала. Но какую? Всегда устала, раздраженную этой усталостью, а главное, одиночеством. Все это из дня в день она несла в дом. А ребенку хотелось радости, блестящих глаз, дружных усилий, счастливых событий, тепла, покоя, уюта и надежности — всего, что связано для него с понятием «дом», «семья», что видел он у своих товарищ, соседей. И он стремился на стороне найти все это. Но, не обладая достаточным жизненным опытом, иной раз оказывался жертвой дурных компаний, скверных людей, опасных интересов. Тогда матеря говорит: «Всю жизнь ему отдала, а он...»

И тут мне хочется вспомнить слова А. С. Макаренко, сказанные им отцам и матерям, читателям его «Книги для родителей»: «Настоящей матерью, воспитывающей, дающей пример, вызывающей любовь, вос-

хищение, желание подражать, будет только мать, которая сама живет настоящей полной человеческой, гражданской жизнью». Он повторял эту мысль не раз: родители должны жить деятельной жизнью, получать удовольствия, ходить в театры, в гости, шить себе хорошие платья, а не ходить обтрепанными, скучно и добродетельно жертвовать собой для детей. Такие родители — плохие воспитатели. Вряд ли поступает разумно мать, во имя счастья детей отказываясь от личного счастья. Не разумнее ли так «организовать» (выражение А. С. Макаренко) свою любовь, чтобы она принесла в дом радость — и себе самой и детям? Вот в этом-то, пожалуй, самая большая трудность и самая большая мудрость: в умении построить отношения между детьми и вновь приведшим в семью мужчиной.

Не от большой и умной души, привя-
в в дом мужа, мать говорит своим детям: «Вот ваш новый отец, любите его!», — подразумевая: «Вы должны его любить, потому что я люблю его». Но ведь она и дети — в разных состояниях: она полна надежд, она не может и не допустить, чтобы из-за каких-то непредвиденных осложнений жизнь снова дала крен. Она хочет этого избежать силой своей родительской власти. А ребенок? Он во власти недоверия, опасений, тревоги: не «отберет ли у него этот пршелец любовь матери? Он сопоставляет, сравнивает нового человека с родным отцом, с отцами своих товарищ, со своим идеалом. Его сравнения могут идти совер-
шенно неведомыми или какашущими нам неделыми путями: отец был красив, а этот нет; отец любил поговорить, а этот все молчит; отец все разрешал, этот не разрешает; у товарища отец молодой, а этот старый и т. д. и т. д. Ребенок не просто сравнивает — путем сравнений решает в чью-то пользу.

И высит свой приговор...
По принципу «раньше и теперь» оцениваются и поведение матери: раньше она весь выходной проводила со мной, а теперь... раньше она мне все рассказывала, а теперь...
У ребенка есть право высказывать свое отношение, свои мысли. Мы часто отказываем ему в этом праве: мал еще! Или предполагаем думать: наивный, он еще ничего не понимает. Навязываем свою волю: теперь это твой отец, — люби его, слушай его. И не задумываемся, что это приказание беспомощно и жестоко, что любить-то еще нужно.

В присланных нам письмах много искреннего чувства, доброй души, житейской мудрости, выпущенное из собственного опыта. Иные — а их очень немногие — считают, что мать, решив вопрос о своем новом замужестве, не обязана спрашивать мнения детей. «Вы еще дети, да, да, дети, и в таком вопросе матери вашей спрашивать у вас совета нет никакой необходимости», — считает, например, В. Савина из Кривого Рога. Но большинство — и мужчин и женщин — суть конфликта видят как раз в том, что матеря препеняется мнением детей; тем самым «сунчивожено достоинство детей, проявлено к ним вполне недоверие, подчеркнуто их нулевое положение в семейных вопросах» (Л. Бойкова, г. Свердловск). Взволнован-

нованные судьбой семьи Гали, читатели дают советы, делятся опытом.

«Он мог бы и покончиться, если бы постепенно входил в жизнь их семьи», — пишет З. Павленко из Пицунды. — По-моему, надо было сделать так, чтобы сначала он приходил к ним просто: попить чаю, посмотреть телевизор, что-то починить, сделать какую-то мужскую работу вместе с сыном, сходить хоть разик два-три всем в кино, в театр, на выставку или еще куда-нибудь, провести один выходной всем вместе или на природе где-то, или даже дома, занимаясь какими-то общими хозяйственными делами... И только после всего этого как-нибудь осторожно

матери заговорила с детьми...»

И. Яшан из Кременчуга рассказывает, как постепенно налаживались его отношения с сыном женщины, которую он полюбил. Как он брал мальчика на завод, где работал сам, как много говорили они о жизни, как при всем этом требователь был к Толе и как, наконец, удалось создать крепкую, дружную, хорошую семью.

И все-таки не в рецептах дело. Думается, добрым помощником и советчиком будет материнская мудрость, выдержанная и самообладание. Пренебречь правом детей на их собственное отношение к событиям и право высказывать это отношение — значит заведомо все загубить, еще ничего не построив.

Вспоминающей средой А. С. Макаренко называл дух, который царит в семье. Но этот дух не есть что-то само собой данное. Его создаем мы, взрослые. Создать дух бодрости и доверия, равноправия всех членов семьи, искренности, заботы — вот какие задачи стоят перед женщиной, строящей новую семью. Это труд. Но разве что хорошее создается без усилий?

И. СКЛЯР

Новое письмо — и новые проблемы.
И снова автор письма просит совета.

«Запрещаю тебе...»

Дорогая редакция!

Прошу совета. Мой дочке Тане шестнадцать год. Дома помогает, учится на 4 и 5. Все хорошо. У нас лишь один, вроде бы даже и неважный, повод для ссор: до каких пор ей гулять вечером, когда возвращаться домой. Летом я разрешила до 10, а сейчас, во время занятий в школе, до 9 часов.

Таня плачет, обижается, говорит, что ей стыдно перед друзьями и подругами, которых чувствуют себя гораздо волнинее. Муж на ее стороне, он считает, что девочка достаточно взрослая, чтобы распоряжаться своим временем. Что же, взрослым детям и запретить ничего нельзя? Если можно — то как?

Лидия Андреевна М.

г. Куйбышев.

Что верно, то верно: семья у Хамицевых религиозна.

— Какую же религию они исповедуют?

— Магометане, ис-
лам исповедуют... Хотя нет, постойте, они же свиней держат. Значит, христиане? — И добавил нерешительно: — А может, просто так держат, для продажи, сами свинину не едят... Меня-то их религия не касается, мне все равно...

Весьма характерным был этот разговор с молодой осетинкой. «Старшие верят во что-то, толком не знаем во что, нам безразлично. Предрассудки, отжившие обычай — нам до них дела нет, а к старым людям положено относиться с уважением. Да и какой вред от того, что они верят?» — такое отношение к религиозности старших определяет позицию большинства молодежи.

Вероятно, так же думала и Таня Мисикова, о судьбе которой я хочу рассказать.

Старшие не мешали Тане жить по-новому: она окончила медицинское училище в Нальчике, где в обучении использовались электронные машины, где засиживались в читальне допоздна и шумно веселились на вечерах, где так горячо проходили всегда комсомольские собрания. После училища поступила Таня на работу в детский сад.

Пришла к ней и любовь. Любовь? Не знала еще, но нравился ей Владимир Хамицов. Внимательный, остроумный. Интересно рассказывал о Сахалине, где побывал недавно... Ей показалось — романтик. С нетерпением ждала Таня конца рабочего дня, украдкой поглядывала в окно: «Куда, уж где ждет...»

И вдруг первое столкновение. Таня в этот вечер задержалась на работе. Владимир дождался ее, но встретил с неожиданным раздражением:

— Да брось ты свою работу! Работающая женщина — это уже не женщина. Вот погоди, покинемся...

Таня насторожилась. Так только старики считают, те, что шарят не забыли: «Жена — рабина мужа, мать его будущих детей, должна заниматься только домашним хозяйством...» Неужели Владимир, человек молодой, современный, так же думает о предназначении женщины? Со смутной тревогой стала прислушиваться, приглядываться. Как много он говорит о деньгах! И на Сахалин, оказалось, ездил за «длинным рублем». «Что я, дурак — работать каждый день? Летом заработал, зимой — гуляй!»

Все хуже я было с ним. С каждым днем хуже. А он твердил: «Люблю, только ты мне нужна».

Однажды Володин дядя Сулейман пришел к отцу. Мать накрыла стол. Заговорила о садебе. Таня сказала: «Не пойду за него! И полегала, что этого вполне достаточно. Но не тут-то было. Хамицовы все приходили и приходили с угрозами. Не к ней — к родителям. Соблазни обещаниями: будет жить дочь счастливо, у жениха дом богатый в осетинском селе, и руки у него золотые. А у Тани отец — инвалид войны, работает слесарем, кроме Тани, еще пять

детей в семье. Убеждали: «Соглашайся, сделай его другим», а Может, и будешь счастливой!»

Сначала были разговоры, потом начались угрозы. Однажды, когда Таня вернулась из работы, в доме ее встретил плач: причитала мать, всхлипывали сестры, размазывали слезы братишко. Из сбывающихся их рассказов Таня поняла: родственники Владимира завели матерь в какой-то дом, где старая женщина, достав коран, часа два завладела над ним и в конце концов заявила: если Таня откажется от Хамицова, случится беда — умрет кто-нибудь из ее близких.

Всю ночь стоял плач. «Ты хочешь их смерти?» — показывала матерь на сестрочек. «Да глупости это, мама, неужели ты веришь?»

...Вот и коснулось ее то, к чему отно-

влять на Володю? Раз он меня любит, сделай его другим! Но ловила себя на том, что уже не верит этому... Многое беспокоило ее. Назначили день свадьбы, оповестили многочисленных гостей, а о регистрации брака Владимир говорил, посмеиваясь: «Зачем нужна эта формальность? Мы же оба дети гор. Веками наши предки не думали ни о какой регистрации! Мое слово — вот для тебя главная гарантia!»

Началось все с того злосчастного дня, когда ей велели захаркать чуть ли не цепного барабана. Привели на кухню, сказали: жарь, А Таня ахнула: «Я так много мяса никогда не жарила, я не смогу...» Как это не смогут? И это женщина? Лентяйка, бездельница!

Какая же она лентяйка? Почему бездельница? Как ловко двигались ее руки, когда она готовила инструменты для операции, переливала кровь, делала уколы! Если бы знали они, как любили Таню ребятишки в детском саду, как доверчиво бежали к ней со своими бедами, ничуть не боясь блестящих инструментов в ее кабинете.

Но не было никому здесь дела ни до ее образования, ни до ее ловкости, ни до ее добродетели. С этого дня уже не нравилось все, что она ни делала. Придики, подозрительность, мелочные упреки: «Куда так вырядилась?», «Отдай трапезу — не так пол моёшь!» Она была чужой в этой семье. Для всех, и для Володи тоже.

Однажды Таня приказали пойти за дровами. Володя сказал ей это лениво, небрежно, развалился на кровати. Таня чувствовала себя плохо, она ждала ребенка, и беременность протекала тяжело.

— Может, ты сходишь? Как бы не повредить ребенку — я еда на ногах держусь...

— Ты не слышала? — Он совсем не обратил внимания на ее слова. — Я тебе велел — иди!

Законы предков, по которым строится наша жизнь и умирающий обычай — калмыки. Обычай, рожденный в далекие дни феодализма: отдавая дочь чужому хозяйству, отец требовал возмещения убытков от потери рабочей силы. Факт для нашего общества не только аморальный, но и противозаконный: в Уголовном кодексе РСФСР и ряда других республик записано, что уплата алиментов — преступление, влекущее за собой уголовное наказание.

Теперь, правда, говорят другое слово — «подарки», но страшный смысл остался прежним: если калмык-подарки выплачены, то обратной дороги для девушки нет.

Приговаривались все-таки советские законы! Владимир Хамицов решил использовать эти законы с выгодой для себя: он обратился в районную прокуратуру с просьбой выселить Мисикову Татьяну из его дома.

Но теперь Таня не уходила... И здесь пора поговорить о самой Тане.

Столкнувшись лицом к лицу с людьми, которые следят злым, умершим обычаям и ее, Таню, заставляют жить так же,

она растерялась, почувствовала себя беспомощной, безоружной, побежденной... Сначала она, комсомолка, согласилась на унизительный брак. Теперь же, когда ей сказали «уходи», вдруг смертельно испугалась развода. Испугалась: у нее ведь будет ребенок, а она знала — в их народе веками презирали женщин, имевших незаконнорожденных детей.

Таня всегда отмакивалась от старого, казалось, отжившего: «Пустое! Но чтобы быть стойкой, не отмакиваться нужно, и бороться со старым. Побеждать это старое и других и в себе. Таня же испугалась, пала духом и сносила издевательства. Ее держали в холодной комнате, не разрешали выходить, не разрешали есть за общим столом. А однажды сказали: если ты не нужна бывшему мужу то никто здесь не обязан тебя кормить.

Она еще надеялась на что-то, просила вспомнить о ребенке. Володя цинично предложил ей:

— Освободись от него, я тебе денег дам. Сколько дать?

— Никогда!

И тут она ушла. Наконец ушла. В одном платье, по мартовской слякоти, без денег, пешком, из Осетии в Кабардино-Балкарию.

Дальше речь пойдет о человеке, работающем честно всю свою у долгую жизнь, вырастившем шестерых детей, воевавшем на фронте за их будущее — об отце Тани. Обидно это говорить, но говорить придется. Отец не пустил Танию даже на порог. Принять dochь, у которой будет виенчальный ребенок? Какой позор! И мать — родная Танина мать — покорно согласилась с ним.

Но нашлись у Тани друзья — и знакомые и незнакомые. Три месяца она пролежала в родильном доме. Врач Раиса Федоровна Бесседина стала ее надежным другом. Все рассказала ей Таня, как матери. И, как мать, слушала ее Раиса Федоровну. И пожалела от души, и поругала, и посоветовала, что делать. Спасла жизнь и Тани и ребенка.

Недавно родился у Тани сын, и друзья позабылись о них обоих. Придется забыться о сыне и Владимиру Хамицову. По советским законам.

...Сколько пережито Таней унижений, нравственных потрясений — и все из-за неуверенности в себе, из-за шаткости жизненных позиций.

К сожалению, подобные истории происходят не только с Таней. Были девчонки, комсомолки, на субботниках ездили, в турпоходы ходили, учились, песни пели — все вроде бы счастливо складывалось в жизни. Но подросли, вышли замуж, стали женами... Это как раз тот жизненный перевал, когда встают перед бывшими девчонками десятки новых задач и вопросов. Вот тут-то чаще всего и бывает, что отрываются некоторые из них от жаркого комсомольского «мы», и комсомольский значок оказывается в шкатулочке с пуговицами и запонками мужа, а потом начинают поступаться и своим убеждениям.

Не потому ли, что в юности, пока это не их сакалось, были так снискодительны, так терпимы к уродливым, но живучим обычаям прошлого?

3. Ильина

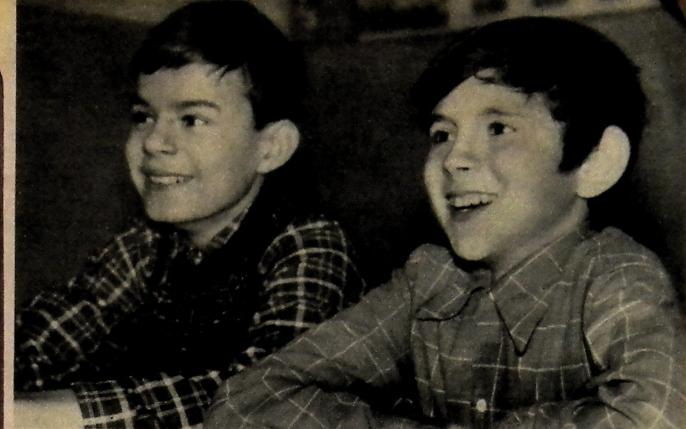

Фото В. Басова.

ВЕСЬ МИР РЯДОМ

Сын смотрит передачу... Радует ли вас это? Как наладить добрые, полезные отношения с телевидением?

**О сторожно:
телеволезнь
существует**

Это из старой сказки: захотел добрый волшебник и подал руку человеку хрустальный шар. Посмотришь в него — увидишь, что делается на другом краю света... А это наша современная жизнь: почти в каждом доме светится голубой экран, связывающий мир одной семьи со всем огромным миром.

Телевизор послушнее, его можно переставить с места на место, включить, выключить. И все-таки разговор о телевидении ходит в буржуазных странах. Насилие, пропагандируемое экраном, неправильно калечит душу ребенка, толкает его даже на преступление. И не эта ли убежденность заставила американского писателя-фантаста Рен Бредбери написать безысходный рассказ «Вельда»?

Писатель размышляет в нем о страшных последствиях, которые угрожают обществу, бездумно использующему чудеса техники в грязных целях. Но есть в этом рассказе и другое предостережение: взрослые, будьте бдительны! Взрослые, это вы изобрели телевизор, и вы посадили перед его экраном ребенка, следовательно, вы и ответственны за последствия.

Телевидение нашей страны опирается на высокие принципы гуманизма, добра, спра-

ведливости. И мы глубоко убеждены: оно играет положительную роль в интеллектуальном, этическом, эстетическом развитии советских детей.

Тем не менее многочасовое бессмысленное созерцание наших детей у экрана таит в себе немалые опасности и для них. Ребенок бездумно, без всякого разбора созерцает все передачи подряд. Игры, чтение, общение со сверстниками и взрослыми — все приносится в жертву экрану. Ребенок торопится сделать уроки, торопится поесть... и снова к «телефику». Так день за днем, месяц за месяцем... Человек вроде бы не скучает, время занято, нет ощущения пустоты. Но в живом, деятельном, энергичном мальчишке вырабатывается лень, пассивность, без滋味. Не мудрено: быть пассивным зрителем так легко и приятно! Но душевное безделье делает свое страшное дело. И однажды родители могут увидеть: сын созерцает на домашнем экране что-то страшное.

Пытные педагоги сходятся в своем отношении к телевидению на формуле: «Лучше меньше, да лучше». Так не утрачивается свежесть детского восприятия, не рассеивается внимание, информация прочнее запоминается.

Не все, что предлагает зрителям наше телевидение, стоит смотреть детям. И дело

**И из множества
передач**

Опытные педагоги сходятся в своем отношении к телевидению на формуле: «Лучше меньше, да лучше». Так не утрачивается свежесть детского восприятия, не рассеивается внимание, информация прочнее запоминается.

БЫТЬ СИЛЬНОЙ

здесь уже не только в количестве зрелищ и в количестве времени, проведенного перед экраном.

Идет фильм «Этюды о женщинах», одна из тех картин, на которые в кинотеатре «дети до шестнадцати лет не допускаются»... Время позднее, а девочка-подросток не отходит от экрана. После мы, взрослые, будем гневаться: «Телевизор виноват, что дочка в неполные пятнадцать лет умело подкрашивается веки и ходит с мальчиком в обнимку». Но разве не мы должны сказать детям вовремя: «Хватит, это не для вас? А подчас просто погасить экран, даже жертвуя при этом своим удовольствием.

Спорт и телевидение неразрывны — прекрасны спортивные репортажи с хоккейных, футбольных полей. Но и здесь мера. Иначе сын, до часу ночи «боющеся» у экрана, вырастет не спортсменом, а спортоманом, который умееет лишь грому кричать: «Ай!», «Ну!», — а сам не может подтянуться на турнике и двух раз.

Наше телевидение создало хорошие многосерийные фильмы о советских разведчиках. Они учат смелости, самоотверженности, любви к Родине. И все-таки нужно ли, чтобы ваши ребята в третий и в четвертый раз смотрели их лишь затем, чтобы пролистать про себя знакомый уже, но остросюжетный сюжет? Чем это обогатят их? Новыми размышлениями о подвиге, о себе? Вряд ли. Скорее просто появится привычка щекотать себе нервы приключениями, заранее зная, что вот в таком-то месте будет «ух, как интересно!»

Как же из множества передач выбрать те, что нужны ребенку?

Во-первых, не забывайте, что передачи имеют конкретный адрес, учитывают возраст ребенка. «Спокойной ночи, малыши!» и «Приходи, сказка» — с них начинается знакомство детей с телевидением. «Будильник», тележурнал «Пионерия» — следующие ступеньки.

Разбираться в огромном количестве кинофильмов, спектаклей, телевизионных передач легче, регулярно просматривая подобные аннотированные программы.

Говоря о выборе передач, мы не призываляем ограничиваться теми, которые предназначены точно для такого-то возраста. Ведь мы с вами стремимся постоянно расширять круг интересов ребенка, сферу его познания. И, конечно, подросткам полезно, кроме своей детской передачи, поглядеть и «взрослую»,

дающую содержательную, интересную информацию, выразительную в своих художественных средствах. Мне неоднократно приходилось слышать от родителей, что их 12-14-летние дети с удовольствием (и добавлю: с большой пользой для себя) смотрят телевизионный журнал «Поиск», программы «Время», выступления международных комментаторов передача «Актуальная камера», «Клуб кинопутешествий». Кроме этого, хочется обратить особое внимание родителей на передачи, посвященные музыке, изобразительному искусству, кино, театру. Они вполне доступны подросткам. Я имею в виду «Кинопанораму», передачи «Страницы истории советского кино», «Театральная афиша», «Рассказ о театре».

У ребят появляются любимые передачи. Стараются, чтобы эти «любимые» помогали развивать устойчивый интерес к чему-либо, скажем, к естественным наукам, истории или литературе, чтобы интересы сегодняшних пробуждали интересы завтрашне, еще более глубокие, серьезные.

Все ли
дети
видят?

Kазалось бы, что за вопрос? Раз смотрят, значит, видят. Но...

Еще задолго до появления телевидения, на заре кинематографического искусства, Антон Семенович Макаренко предостерегал: «Ребенок привыкает к пассивному удовольствию, которое часто не идет дальше простого безвольного восприятия; он «глазеет» и только, художественных впечатлений у него пробегают поверхность, не задевая личности, не вызывая мысли, не ставя перед ним никаких вопросов». Телевизор по степени привношения к нему детей всех возрастов намного обогнал кинематограф, и, думается, слова большого педагога сегодня еще более актуальны.

Подчас мы не только не помогаем ребенку вдуматься в то, что он увидел, но путаем его, сбиваем с толку своими необдуманными замечаниями. Нам ничего не стоит сказать: «Какую ерунду показывают!» Мы имеем в виду лишь художественное качество, но в этот момент на экране — какое-то значительное, с точки зрения ребенка, событие, захватившее его разговор... Бывает и так: что-то взволновало, расстроило малыша в передаче, а сердобольная мама спешит

успокоить: «Это все неправда, все понарожку» — и разрушает очарование вымысла, поэтического образа. В присутствии детей лучше осторожнее делать замечания в адрес передач, даже если вы видите их несовершенство. Ведь одно дело — суждения взрослого ума, другое — оценка, навязанная уму неокрепшему. В ребенке легко породить поверхностность суждений и вдобавок неуважение к ответственному труду тех, кто стоит за голубым экраном, неуважение к знаниям, к культуре.

Но это совсем не значит, что с детьми не следует говорить о передачах. Напротив!

В Ленинграде в детском саду фабрики имени Ногина я смотрела вместе с детьми детскую телевизионную передачу и, когда передача закончилась, спросила каждого из малышей: что ему особенно понравилось, что запомнилось, что хотелось бы посмотреть еще раз. Это было вечером. А утром, когда я снова пришла в детский сад, ко мне подошла крошка девочка и протянула листок бумаги. На нем был рисунок — фантазия на тему вчерашней телепередачи. Мне кажется, продолжить внутреннюю работу над увиденным девочку заставило именно внимание к ее впечатлениям, мыслям и чувствам. Да и как непросто ребенку порой разобраться в происходящем на экране: действие развивается без повтора, без задержек. Ребенок (особенно, если он мал) что-то успевает понять, а что-то нет. Поэтому ваш разговор, объяснение (не по ходу передачи — это всегда отвлекает, — а после нее) помогут ему. Детям, особенно маленьким, необходимо утвердиться в своем понимании, необходимо пережить еще раз самые волнующие моменты увиденного, чтобы получить истинное удовольствие. Разговор с ребенком и вам нужен — он даст возможность убедиться, насколько дочь или сын вникли в происходящее на экране.

Хочется обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Телевидение соединило в себе многие виды искусства: художественное слово, изобразительное искусство, музыку, актерское мастерство. Это предполагает и новую форму восприятия. Вспомним, как было раньше: ребенку читали книгу — это было отдельно, показывали картины — это тоже было отдельно, он слушал музыку — и тоже отдельно. А на голубом экране все соединилось в единый образ, заливалось, зажигало перед миллионами удивленных детских глаз. Справляется ли ребенок с обилием разнообразных впечатлений?

— А ты слышал, какая красавица музыка, тихая и нежная, была в этой передаче?

Нет, оказывается, увлеченный только фабулой, он даже не заметил музыкального фона. Иногда по той же причине ребенок не видит того или иного зрительного образа, хотя именно возможность «видеть» более всего влечет его к экрану.

И, наконец, последнее: телевидение может вырабатывать в ребенке бездеятельность, пассивность — об этом уже шла речь. Но телевидение же может способствовать и росту активности общественной, гражданской, творческой — это тоже подтверждено жизнью и тоже бесспорно.

Такие передачи, как «Умелые руки», «Выставка Буратино» Центрального телевидения, «Пионерград» Ленинградской студии — тому свидетельство. Но и здесь нужно наше участие. Просмотрите телевизионная передача, переполнившая ребенка, чувство ищет выражения: ребенок начинает рисовать, лепить. Стоит поощрить эти попытки. Посмотрите его рисунок или лепку, выслушайте сказку, которую он захочет вам рассказать, похвалите его за это.

— Можно ли включать телевизор в комнате, где находятся маленький ребенок?

— Дети обычно норовят сесть как можно ближе, чтобы не носить в экран. Это вредно: быстро утомляются

— Только не включайте телевизор на полную громкость, чтобы он не мешал малышу спать.

— Сколько времени ребенок может проводить перед телевизором?

Факты, сообщенные читателями, «операции»: О. Корнев, А. Лигов, Н. Монахов, Э. Полянский, Э. Эдель.

За искусством...

Когда-то была популярна такая песенка: «Все хорошо, прекрасно, чудесно, за исключением...»

Все хорошо на участке четвёртого литьевого цеха Черноморского судостроительного завода в г. Николаеве. Все хорошо, за исключением...

Вентиляция скверная, отчего воздух насыщен ароматами разных малоароматических веществ, начиная от бензина, кончая...

...еще производственная площадь явно мала, а непропорциональной вообще нет, так что даже поесть в перерыве негде. Но это разве не пустяки? Годы ведь все равно никуда не остаются...

...Еще помещение участка захламлено, оборудование часто выходит из строя, технология устарела. Пресс-формы хранятся в сырье, в сырье хранятся машины, в них появляются заряды, они коробятся. А из таких пресс-форм выходят бракованые детали. И это, разумеется, пустяки. Ведь продукция выпускается, а план, несмотря на то что...

У женщин, работающих на участке, а их здесь много, накопилась масса вопросов по поводу разряда, оплаты труда и т. д. И это, увы, так и не пустяки, ибо их не решают, а впрочем, не принимают. Тем более, повторяя, продукция выпускается, план регулярно выполняется...

Позвольте! Выполняется? Как? А вот так. Работчики подсчитали, что склад, в котором одновременно они сделали шестидесят тысяч парашютов, А горной прорубки оказалась лишь половина. Другая половина — брак.

В общем, все хорошо на участке четвёртого литья. Все хорошо, за исключением...

Персональ

— Шел трамвай девятый номер, А в трамвае кто-то помер...

— Шел трамвай... девятый номер... А в трамвае кто-то помер!

И. БАРАНОВА

Комплектовщица Львовской чулочной фабрики Анна Новинская трудится на своем рабочем месте, когда в цехе появилась хмурая личность из контроля фабрики.

— Ты ли, Анна Новинская? — позвал ее старший спиртзаводчика. — Тут чегото-то из конторы тебе шлют... Там, коля, заявки, а это, ясное дело, не тебе, разнорядка тоже в другой цех... Ага, вот выговор в приказе, это, кажется, тебе. Поздравляю!

— За что выговор? — ахнула Новинская.

— Тебя, голубушка, лучше знать, чем ты отличилась. Помидоры-то ручкой достану, распишуешься...

— Вот та, гад номер! — горячо размешиваясь Новинская. — Шесть месяцев держала первое место в соревновании, обещала граммофон, цветы, медаль, а не театр оперетты!

— Не обращайте внимания на подошву, она все равно скоро отклеится.

— И часовая стрелка может поминутно спотыкаться.

Окно выходит

В заметке «Сейчас ходят» № 11 за 1961 год рассказывалось о коварном тележижине, которая, отцепившись от трактора, врезалась в дом гражданина Долонко. Эта грандиозная долгожданная победа над злым врагом привнесла радость всем любителям творческого труда. Тракторист и руководители Клинцовского участка треста «Центрсорттехмонтаж» всю вину взяли на себя. Тележижинка, которая, дескать, не имела права на землю, на дом по собственной инициативе...

Прокурор города Клинцовов Хаекунин сообщил нам, чтоチーム полностью опроверг данное утверждение.

— А в ремонт дома гражданина Долонко привезли слизами Клинцовского участка «Центрсорттехмонтажа».

Примите к сведению

Эти вопросы задают в своих письмах наши читатели.

Отвечает начальник медицинских наук Т. ЯНОВА.

— С какого возраста разрешать детям смотреть телевизионные передачи?

— Самые маленькие воспринимают передачи просто как комплексы зрительных и слуховых раздражителей или как яркие, красочные, иногда забавные образы. Не знакомые с телевизором, не имеющие никакого опыта исследовательской работы, ученики. Отступления от них так или иначе скажутся на ребенке, на его здоровье, состоянии его нервной системы, успеваемости.

— На каком расстоянии от телевизора нужно сидеть?

— Дети обычно норовят сесть как можно ближе, чтобы не носить в экран. Это вредно: быстро утомляются

глаза, может развиться близорукость. Лучше всего сидеть стулья, не ближе полутора-двух метров от телевизора, а если экран большой — то подальше (но не дальше 5 метров).

— Как смотреть телевизор в темноте или при свете?

— Просмотр телевизоров в полной темноте неблагоприятен для глаз. Лучше, если в комнате будет лампа или торшер с лампочкой 40—60 ватт и свет расположены так, что блинки не падают на экран.

— Можно ли включать телевизор в комнате, где находятся маленький ребенок?

— Дети обычно норовят сесть как можно ближе, чтобы не носить в экран. Это вредно: быстро утомляются

ПРИЧЕСКА ДЛЯ КОНКУРСА

Конкурс парикмахеров открыт.

Это был не цирковой парад, когда ходят колесом акробаты, прыгуны крутят двойное сальто, а тоненькие гимнасты посыпают залу обворожительные улыбки. В рабочих халатах на арену Сочинского цирка вышли немного смущенные парикмахеры. Заняли свои места судьи, поудобнее устроились в креслах манекенщицы, приготовили инструменты мастера. И вот — старт! Замелькали расчески в ловких руках. Третий Всероссийский конкурс парикмахеров начался.

Первыми выступали женские мастера. Им предстояло выполнить вечернюю, модельную и повседневную прически.

— Оценки мы даем по тридцатбалльной системе, — рассказала член судейской коллегии Нина Викторовна Ольшевская, мастер-модельер из Ленинграда, недавно награжденная орденом Ленина. — Мы смотрим, как работает мастер, идет ли прическа манекенщице, отвечает ли направлению моды.

Тридцать четвертое и тридцать шестое кресла — рядом. За одним стоит москвичка Фаня Чарник — знаменитость, всех ее призов не перечислить. А за другим — Валя Трегубова из Саратова, она впервые на таком большом конкурсе. Валя работала, как всегда, разве что волновалась больше обычного. Удивляло ее только, почему Фаня все смотрит на нее и смотрит: «Может, что не так делают?»

А Фаня Чарник потом сказала, что для нее самым инте-

рессным на конкурсе было работа ее соседки по креслу Вали Трегубовой: «Очень чисто работает, на высшем уровне». И стоять они будут рядом, когда получат призы: Фаня — первый, Валя — второй. Призеров вообще будет много, и так же, как Валя, уйдут они из этого зала уверенные в себе, счастливые оттого, что занимались нужным делом, что профессия их уважаемая, творческая.

— Раньше стыдно было сказать, что ты парикмахер, — вспоминает Эндида Тулбе, мастер-модельер из Риги. — Теперь отношение другое. — С этим нельзя не согласиться: за последние годы престиж парикмахерской профессии вырос. Престиж — отношение общества, оценка им достижений в какой-то профессии. Славу мастеру создают благодарные клиенты, но это еще не признание общества в полном смысле этого слова. Такие широкие соревнования — на конкурсе в Сочи выступило сто пятьдесят парикмахеров! — дают объективную оценку уровня мастерства; и потому, что можно сравнивать работы, и потому, что судят профессионалы, которые заметят каждый промах и каждую удачу. Я не говорю уже о том, что конкурс — это школа мастерства, там демонстрируют последние достижения в профессии, дают свежую информацию о моде.

Но вернемся в Сочинский цирк. Пока парикмахеры колдовали над головами манекенщиц, мы любовались спортив-

ными движениями их рук, их умением. Но вот время истекло, парикмахеры собрали инструменты, покинули зал. Все взгляды теперь устремились на манекенщиц, которые сидели неподвижно, боясь повредить прически. И немудрено. Сложные сооружения из волос на их головах, казалось, могли разрушиться от любого неосторожного движения. А когда «модели» поднялись, чтобы пройти перед зрителями, арена цирка стала похожей на карнавальный зал. Золотые платья до пола, диковинные цветы, бабочки, броши, золотые ленты и перья в волосах. Все это, возможно, и хорошо для карнавала или эстрады. Но кто из нас так одевается, чтобы пойти вечером в театр или посидеть с друзьями? А эти прически! Да, они по условиям конкурса вечерние, но разве донесешь их до театра, даже если у подъезда ждет машина!

Я ожидала, что в следующем туре конкурса, когда будут демонстрироваться повседневные прически, мы увидим, что предлагают парикмахеры уже не в качестве «чистого искусства», а для общих. Но я ошибалась: и эти прически большинстве своем мало чем отличались от вечерних — разве делали их быстрее для украшений на конкурсе.

Парикмахерское дело существует не ради «чистого искусства». В обычных парикмахерских, как мы знаем, уровень мастерства еще недостаточно высок — прически шаблонны, старомодны. Необходимо поднимать этот уровень, и конкурсы могут сыграть в этом не последнюю роль.

...Роза Юшко, манекенщица из Казани, после показа передала и подошла к подругам.

— Девочки, расчески дайте! Пойду причешусь.

И, ни капли не сожалея, она решительным движением разрушила тщательно уложенные конкурсные волны. никто на это и внимания не обратил. Никто не крикнул:

— Стой! Что ты делаешь? Ведь это работа мастера! Художника!

И мне невольно вспомнились фантастические прически фран-

那样的 прически жюри оценивало особенно высоко.

Фото И. Ковалевского.

зуских аристократок конца XVIII века, когда на голове среди волос возвышались корабли, кумулы с живыми цветами и даже сцены охоты.

Неужели же в наши дни нелепая вычурность может служить доказательством таланта? Современная мода практична, рациональна. Посмотрите, как мы одеваемся — нет ничего вычурного ни в платьях, ни в юбках и блузках, мыносим деловую, спортивную одежду. Как сочетается с ней замысловатая прическа, украшенная бусами или цветами? Нет, сегодняшний день предлагает парикмахерскому искусству совсем иные эталоны прекрасного и иные критерии оценки мастерства. Когда мы садимся в парикмахерское кресло, мы думаем о том, чтобы прическа украсила нас, а не о том, красива ли она сама по себе. Это ведь талант — угадать, кому что пойдет, тем более если времени на это в обрез, а клиентку тоже видишь впервые. Такой критерий мог бы, как нам кажется, стать основой оценки работ парикмахеров и на конкурсе.

Парикмахерское дело существует не ради «чистого искусства». В обычных парикмахерских, как мы знаем, уровень мастерства еще недостаточно высок — прически шаблонны, старомодны. Необходимо поднимать этот уровень, и конкурсы могут сыграть в этом не последнюю роль.

...Роза Юшко, манекенщица из Казани, после показа передала и подошла к подругам.

— Девочки, расчески дайте! Пойду причешусь.

И, ни капли не сожалея, она решительным движением разрушила тщательно уложенные конкурсные волны. никто на это и внимания не обратил. Никто не крикнул:

— Стой! Что ты делаешь? Ведь это работа мастера! Художника!

И мне невольно вспомнились фантастические прически фран-

ПОНИ НА ПЕРРОНЕ

Ирина ПИВОВАРОВА

Жили в зоопарке
Двое серых пони.

С красными уздечками
В золотой попоне
Бегали по кругу
Пони день-деньской
И детям катали
В тележке голубой.

Но как-то папа-пони
Сказала мама-пони:
— Пора бы нам с тобою
Немного отдохнуть.

Обидно получается,—
Всю жизнь
На нас
Катаются,
Вот нам бы покататься
Самим
Когда-нибудь!

— Ну, что ж, — ответил папа.
— Согласен, — он сказал.
И тут же за билетами
Поехал на вокзал.

И в кассе у кассира
Купил билеты он
На самый лучший поезд
В пятнадцатый вагон.

И вот сидят в вагоне
Семейство серых пони.
Мама перед зеркалом
Расчесывает челку,

Сын с отцом
На верхнюю
Вдвоем залезли полку.
Они читают книжки,
Они в окно глядят.

...И снова мчится поезд.
И пони отдыхают.

Пьют чай,
Глядят в окошко,
От радости вздыхают...

Стоп. Снова остановка.
Встает папаша-пони.
И мама-пони тоже
Немедленно встает.

Берут они две сумки:
— Мы купим помидоры,
Овсяного печенья
И сливовый компот.

Остались пони-крошки
И стал смотреть в окошко.

Он смотрит — на перроне
Полным-полно людей.
И вдруг он видит:
Мама,
А рядом папа-пони
Катают на перроне
Маленьких детей!

И вид у них довольный!
И вид у них счастливый!

Вокруг спешит, смеется,
Толкается народ.
...А рядом, в магазине,
В большой-большой
Витрине
Печенье, помидоры
И сливовый компот.

Рисунки Я. МИРОШНИЧЕНКО.

